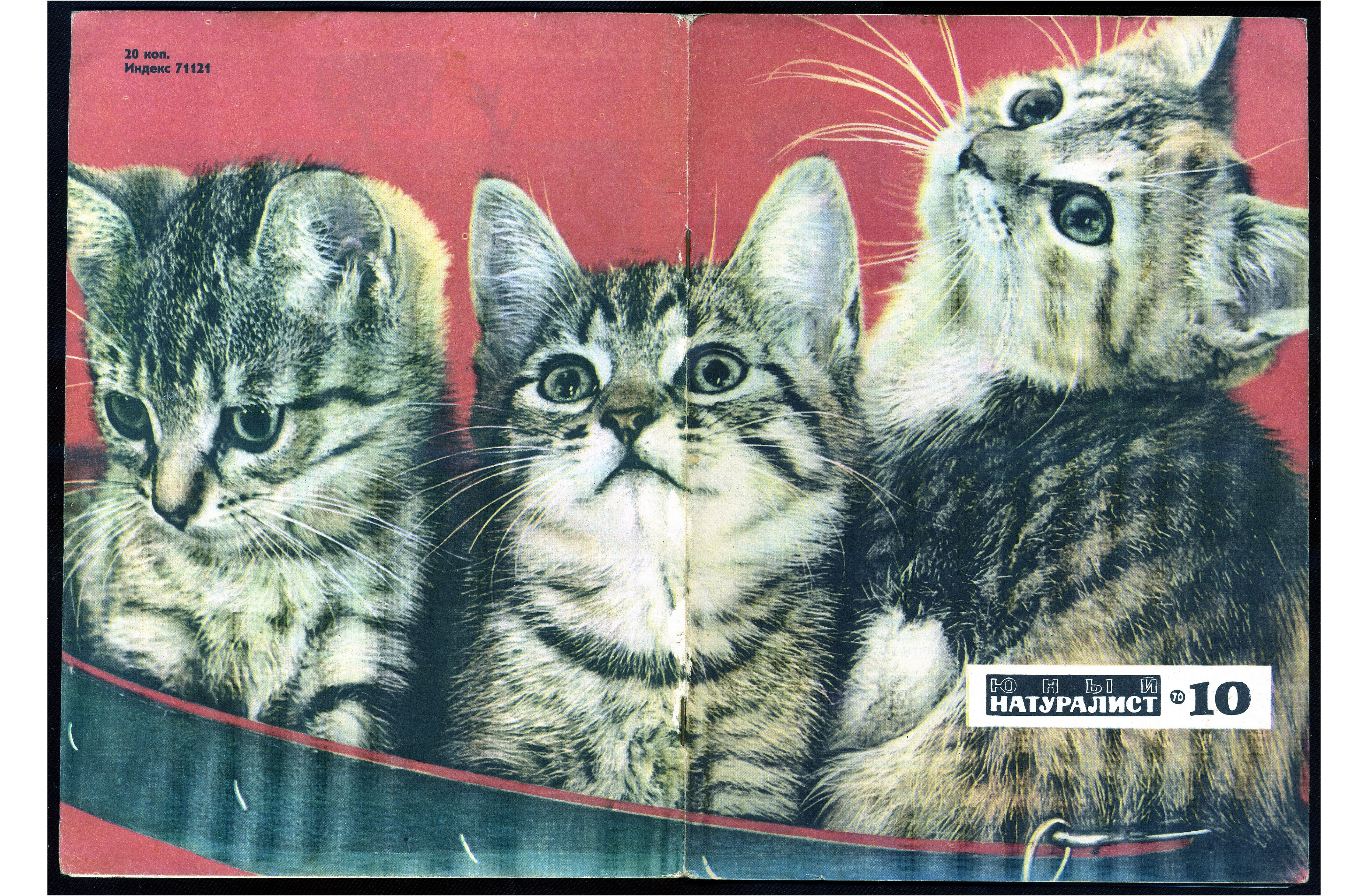

20 коп.
Индекс 71121
ЮНЫЙ
НАТУРАЛИСТ
70
10

Островок Бруней близ Австралии известен большой колонией пингвинов. Прежде они спокойно разгуливали по всему острову. Но вот пришли люди, остров пересекла широкая автострада, которая перерезала важнейшие пингвиньи тропы. Защищая свои исконные владения, птицы не останавливались перед мчащимися автомобилями, происходили катастрофы с обоюдными жертвами.

Тогда специально для пингвинов сделали подземные переходы. Но и тут пернатые аборигены не изменили своим обычаям.

Местные власти вынуждены были на пересечениях автострады с пингвиньими магистралями поставить броские щиты-указатели: «Осторожно, пингвины!»

Могучий порыв цивилизации путает карты природы, коверкает, ломает привычные для животных условия. Гидроэлектростанции вносят путаницу в ход рыбьего нереста, инсектициды подчас убивают и вредных и полезных животных, мазут в океане, отходы химического производства губят рыбу.

Но вопреки этим часто губительным ударам некоторые звери — удивительное дело! — явно предпочитают искусственно созданные человеком условия природным, мирятся и с шумом, и с загрязнением воздуха, и с индустриальными отходами. И даже преуспевают, живут, что называется, припеваючи.

Об этом наш рассказ.

Цивилизация — это прежде всего города. Современный же город — это каменные великаны дома, это автомобильные скопища, это журавлиные шеи подъемных кранов, паутина проводов, усы антенн... Так-то оно так. Но чего же не хватает в нарисованном нами урбанистическом пейзаже? Птиц! Они самые многочисленные живые спутники человека в городах. Птицы-горожане освоили немало премудростей: синицы умеют откупорить бутылку с молоком, воробьи ловко развертывают пачку с маслом.

Ночь. Строительство не утихает. Мощные прожекторы освещают территорию. Сельские птицы давно спят, а городские? Сотнями собираются они вокруг фонарей, осветителей. Им тепло, светло и есть чем поживиться: мошкара летит на свет, мелькает в лучах прожектора. Лови! Кушать подано!

Вокзал. Шум, гам, дым, но сколько птиц! Что влечет их сюда? Минуточку, понаблюдаем.

Приближается скорый поезд. Еще не остановился, а птицы, до этого праздно сидящие на проводах неподалеку от путей, устремились к локомотиву. За поживой! Они набрасываются на неисчислимое количество насекомых — бабочек, мух, буквально приклеенных к паровозу и вагонам. Этот обильный урожай состав собрал во время своей бешеной гонки.

Итак, пища есть, но ведь нужна еще и крыша над головой. И здесь для птиц раздолье, можно даже попривередничать.

Птицы подчас старомодны, консервативны. Современные дома гладкие, сплошная геометрия без излишеств — попробуй прилепи тут уютное гнездышко. То ли дело старинные дома, с завитушками, затейливыми выступами, всякими там украшательствами — комфорт, гнездо почти готово.

Правда, есть птицы и нового толка. В Париже галки облюбовали башню Эйфеля. Металлическая путаница этого исполина пришлась им явно по вкусу.

Поговорим теперь о технологии постройки гнезд. В городах птицы пересмотрели ее. Веточки, сухая прошлогодняя листва,

глина — найти их среди асфальта и бетона не так-то просто.

И они применяют другие материалы.

Птицы города Безансона — одного из центров французского часового производства — при постройке гнезд используют... стрелки от часов, пружинки и разные отходы часового дела. Птицам Лилля — крупного текстильного центра — приглянулись нейлоновые нити. В гнездах парижских пернатых часто находят конфетти. Стекловолокно, окалина, проволока (даже колючая!), нитки, обрезки жести — все в умелых лапах может стать частью вполне современного гнезда.

Не только французские птицы такие предприимчивые. В сосняке рядом с промышленным районом Вильнюса на дереве заметили воронье гнездо необычного цвета. Оказалось, гнездо было сплетено из алюминиевой проволоки вперемежку с веревкой и медицинским бинтом. На гнездо ушло: изолированного электрокабеля — три метра, веревки и бинта — восемь метров, сто двадцать три обрезка алюминиевой проволоки (от 30 до 100 сантиметров каждый), или 50—60 метров.

Цивилизация не только города, но и дюралевые птицы в небе. Раньше, на заре авиации, птицы побаивались самолетов. Теперь они не реагируют даже на самые большие воздушные корабли. Зато паника охватывает их при приближении вертолета. По-видимому, он напоминает пернатым огромную хищную птицу. Крупные птицы иногда атакуют вертолеты, вероятно принимая их за соперников.

В последние годы авиация помогает учитывать поголовье различных животных: дикого северного оленя, медведя, лосося в реках.

Любопытно отношение к авиаподглядыванию косолапых. Одни, услышав шум мотора, пугаются, спешат укрыться в зарослях. Другие же толстопятые не праздную труса. Если самолет летит в стороне, медведи почти не реагируют на него. Есть и смельчаки. Был случай, когда медведь на мелководье, держа передними лапами кету, невозмутимо ел ее, не меняя позы и не обращая внимания на вертолет, который кружил над ним на высоте 40—50 метров. Съев рыбу, зверь хладнокровно принялся ловить другую.

А разве не удивительно, что сейчас открыты авиалинии, регулярно обслуживающие всевозможное зверье. Одна из узловых станций таких линий в Европе — Амстердам. Здесь приземляются самолеты, доставляющие из Азии и Африки страусов, дикобразов, крокодилов, слонов, львов, тигров.

Частые пассажиры — скаковые лошади. Теперь скакун вечером вылетает из Америки, утром прибывает в Европу, день отдыхает, а на третий — свежий и отдохнувший — уже может участвовать в скачках на ипподроме.

Подмечено: ни в коем случае нельзя перевозить вместе лошадей и обезьян, так как мартышки своим поведением и воплями раздражают рысаков. Зато многим лошадям нравится общество собаки или петуха. Некоторые авиакомпании к слонам подсаживают курицу — это соседство доставляет «большим пассажирам» явное удовольствие.

В аэропортах Амстердама, Лондона, Гонолулу и Нью-Йорка открыты специальные гостиницы, где четвероногие и пернатые путешественники могут отдохнуть, почиститься, поесть и попить. За шесть лет одна гостиница в Нью-Йорке обслужила 386 тысяч животных 126 различных видов: крокодилов, слонов, пингвинов, тюленей.

Куда проще работать в лаборатории — белоснежный халат, сытые, ухоженные морские свинки. Совсем другое дело — изучать влияние, скажем, индустриализации на повадки, образ жизни того или иного животного. Это дело потрудней: ведь лабораторией становится вся планета. Таких исследований крайне мало, но все-таки они есть.

Английский профессор Кетлвел изучал влияние индустриализации на ночных бабочек, живущих на березах, — березовых пядениц.

Передо мной три фотографии, три пейзажа Манчестера, три стадии индустриального развития этого города.

Первая фотография: сельская идиллия — нивы, леса. Вторая: пейзаж тех же самых мест разительно изменился — полысевшие леса разбавлены небольшими фабриками. И наконец, последняя фотография: манчестерский пейзаж наших дней. Ни одного деревца. Плотные шеренги серых, от копоти коричневых двухэтажных зданий, массивные трубы изрыгают дымные столбы.

Такое массированное наступление камня, стали и дыма, конечно, не могло не сказаться на манчестерской фауне. И это тема исследований Кетлвела.

Когда-то в Англии жили белые березовые пяденицы. Иногда среди них встречалась редкая разновидность — бабочки черного цвета. Легкая добыча в сельской местности — черные бабочки — были неуязвимы в индустриальном Манчестере на закопченных древесных стволах. Лет сто

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ 70 10

Научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.
Журнал основан в 1928 году

назад только один процент бабочек имел «индустриальную пигментацию». В начале же нашего века уже 99 процентов манчестерских бабочек стали черными.

Кетлвел провел гигантскую работу: в разных районах Англии, Шотландии, Ирландии профессор выловил несколько тысяч березовых пядениц. Затем он нанес на географическую карту зоны распространения белых и черных бабочек. Результат превзошел всякие ожидания: границы зоны распространения черных бабочек точно соответствовали громадной промышленной области Центральной Англии, в местах же, не затронутых индустриализацией, по-прежнему обитали белые бабочки.

Многие чудеса несет с собой цивилизация. Вот одно из них. Некоторые птицы нарушают тысячелетние традиции: отказавшись от сезонных перелетов, они становятся оседлыми спутниками больших городов.

Лет пятнадцать назад натуралисты стали замечать, что одиночные грачи остаются зимовать в окрестностях Москвы. Их часто видели в смешанных стаях ворон и галок. Полагали, что на «отчаянную» зимовку остаются больные или раненые птицы.

Однако в последние годы грачи начали встречаться уже группами по 5—10 птиц. Стало ясно: зимовка эта не вынужденная, грачи пренебрегли вековыми традициями.

Вначале новоселы, как положено, летали на окрестные поля и очищали их от сельскохозяйственных вредителей. Птиц можно было видеть с другими грачами — работягами, чинно вышагивающими за плугом трактора.

Но со временем цивилизация стала действовать на грачей разлагающе. Зачем летать на поля, когда на железнодорожных путях после прохождения почти каждого состава валяется столько вкусной пищи! «Железнодорожные» грачи постепенно теряли квалификацию «аграриев» и специализировались на более скромной, но хлебной роли санитаров. Поскольку поезда ходят во все сезоны года, то у этих птиц отпала надобность улетать осенью в теплые края.

Интересны также многочисленные сообщения о том, что птицы, следуя за человеком, постепенно осваивают дальний Север.

Первый поселенец из пернатых во вновь образовавшихся поселках Севера — воробей. Прочно обжились колонии воробьев в Нарьян-Маре, Салехарде, Дудинке.

А в Норильске прижились городские ласточки. Растут каменные многоэтажные дома — увеличивается число ласточек: они вьют гнезда на карнизах.

Индустриальная эра торопит процессы, прежде продвигавшиеся черепашьим шагом. Осушение болот, искусственные моря и озера, загрязнение океанов, задымление атмосферы, возникновение зон, опасных для жизни многих зверей, — все это ставит животных перед альтернативой: либо погибнуть, либо приспособиться к новым, необычным для них условиям жизни. И многие животные пересматривают свои привычки, поведение, образ жизни, приноравливаясь к индустриальной эпохе.

Ю. ЧИРКОВ

ПОСЛЕДНИЕ ПТИЦЫ

Эдуард КОРПАЧЕВ

Рассказ

«Послушай, — говорил отец в прежние времена, — зажги костер, да чтоб горел высоко».

И сухими дровами, пахнущими так вкусно, как пахнут белые грибы, набивал топку голландской печки, плескал бензину из жестянки и на вытянутой руке подносил спичку.

«Знаешь, — говорил отец в прежние времена, — отрежь от кабана, которого мы подстрелили, и поджарь».

И он брал блистающую никелем консервную банку, вспарывал ее зигзагами, и тотчас из консервного ущелья восходил аромат походной еды, еды скитальцев и бродяг.

Так он понимал отца в прежние времена с полуслова, так нравилось ему, что отец зовет его Кир, а не Кирилл, так удавалось им обоим сыграть хотя бы в увлекательную и небезопасную жизнь, что сейчас поражало, какими разными приехали они в нежилой бревенчатый подмосковный домик. Скоро они вместе с матерью покинут на год или на два и Москву, и подмосковный этот чужой домик, улетят за границу, в жаркую страну. Тут бы напоследок и повеселиться им с отцом, превратиться опять в удачливых охотников, пострелять, ведь приехали они с ружьями. Через несколько дней окажутся они в тропической жаре, через несколько дней начнутся ошеломляющие открытия, и Кир уже теперь жил восторгом предстоящих открытий и не понимал отца, его тоски и замкнутости.

И едва они приехали в этот пустующий бревенчатый домик, сели у непокрытого стола и стали глядеть из окошка на дождь, Кир подумал, что дождь нагнал тоску на отца, потому что из-за дождя ни поохотиться, ни пострелять.

Вот пройдет дождь, думал он, и можно будет отправиться в лес, в резиновых сапогах не страшно идти. К резиновым сапогам налипнут, как переводные картинки, желтые и румяные листья, от дула ружья станет попахивать порохом.

Но дождь все штриховал, штриховал заборы и дома, отец как будто спал с открытыми глазами, очень грустна была его дремота, а Кир, обводя глазами ряды яблок на столе, принесенных, наверное, соседским Борисом, с надеждой вспомнил об этом Борисе, с которым держался всегда натянуто и который теперь, может быть, развеял бы необъяснимую тоску отца. Этого серьезного, уж очень спокойно глядящего из-под очков Бориса он не любил и не заискивал перед ним, хотя Борис наравне со взрослыми хозяевами был маленьким хозяйном бревенчатого домика и к приезду их, московских гостей, всегда оставлял на столе гостинцы: яблоки, грибы. Но вот недолюбливал он Бориса, особенно после того, как однажды тот белой краской на двери бревенчатого домика нарисовал штурвал и якорь, и отец похвалил его. Он, Кир, заметил тогда же, что лучше бы нарисовать охотничье ружье и охотничий рожок, что они с отцом более охотники, чем мореходы, но отец и Борис поглядели на него странно, с иронией какой-то.

Вдруг Кир подумал, что отец, наверное, размышляет о катере, как быть с катером, где его поставить на якорь на то веселое время, пока они всей семьею будут томиться в жаре экватора. Вот, наверное, истинные заботы отца!

Ах, недаром на двери бревенчатого домика ослепительная моряцкая эмблема, потому что они с отцом, когда надоедало быть охотниками, становились мореходами, заводили мотор катера и устремлялись по несудоходной Клязьме. Сколько изменений в жизни принесло приобретение кораблика, скольким надо было поступиться, какую неравную битву им с отцом, двоим мужчинам, надо было выиграть у матери!

Многое, очень многое будет вспоминаться в душной, бесснежной стране, и Кир опять порадовался скорой перемене жизни, вскочил с места и с таким довольным, сияющим лицом подошел к отцу, что тот несколько мгновений не узнавал Кира, а потом как будто с легким негодованием обратился к нему, Киру:

— Ну что это мы? Что это мы?

И тут же отец снова превратился в охотника и скитальца, надел штормовку и берет. Кир тоже надел свою штормовку с воротником на цигейке и свой берет — все у них с отцом было одинаковое, оба они скитальцы, оба с одного судна. И сапоги у обоих одинаковые — такие резиновые, литые, такие гладкие, точно из пластилина вылепленные, — хоть рукой поласкай!

Издали белый катерок у клязьминского берега походил на берестяной кораблик, но это издали, а вот бросишь трап, ступишь на борт, отдашь якорь — и ты уже на корабле настоящем, ты штурман, а отец капитан, и быть не может, чтоб капитан не думал о судьбе судна перед решительным путешествием.

Сначала они оба стояли в рулевой рубке, мешая один другому. Кир держал руки на штурвале, вел катер по листве, украсившей воду, и мысленно твердил отцу, что нечего слишком беспокоиться о судне, что надо поскорее отвести судно к причалам Южного порта, — и там катерок будет дожидаться их год или даже два.

Кир удивлялся, отчего отец медлит распорядиться насчет судна, и все ждал его слов, его решения, но капитан притулился в рубке и сиротой смотрел вперед — такой красивый, еще не старый, но уже седой смуглолицый капитан в набрякшем влагою берете.

Как только капитан, толкнув нечаянно Кира, вышел из рубки и сошел в каюту, Кир почувствовал на себе его взгляд уже из каюты и знал, что отец будет неотрывно следить за ним и за фарватером несудоходной речки, и, сознавая это, думал об отце, перебирал те дни, когда они с отцом были то мореходами, то охотниками.

На миг вспомнил о Борисе и порадовался, что Борис не навязался с ними, и хотя Киру стыдно было за эту радость, хотя Кир и порицал себя за то высокомерие, с каким постоянно обращался с добрым соседом Борисом, все-таки не мог он поступать иначе. Они бы с Борисом, возможно, и подружились, если бы не было рядом отца, если бы не остерегался Кир, что отец охотно будет говорить с Борисом, будет посмеиваться и шутить. Так дорожил он отцом, так хотел казаться отцу интереснее всех других ребят.

— Послушай, — более веселым голосом, чем прежде, сказал отец, — а дикие кабаны перешли в дубовую рощу.

И Кир, усмехнувшись через плечо, догадался тотчас, что отцу очень захотелось в ту дубовую рощу, где они однажды видели разрытую вепрем землю и следы его тонких копытцев, где они стояли, слегка ошеломленные, и держали наготове ружья. Стрелять дробью в кабана — это то же самое, если стрелять из рогатки, и пускай тогда ушел от них, не показался даже взъерошенный вепрь, все же вернулись охотники с воображаемой добычей и с тех пор мечтают опять добыть кабана.

Главное — жить так, чтобы ничего обыденного не было, украшать события игрою и вымыслом, видеть все вокруг с такою жадностью, точно смотришь через какое-нибудь ограниченное отверстие и хочешь видеть шире и больше.

Кир узнавал этот маршрут, но ведь летом все иное, а теперь все сквозит, теперь земля черна, и лишь стойкие дубравы, открывшиеся за поворотом, стоят совсем не облетевшие, будут всю зиму сохранять на ветвях жестяные листья. Кир даже воскликнул, увидев неразоренный дубовый лес.

Он спешил поскорее пристать к берегу и бросить якорь, а отец тоже выбрался из каюты и держал в руках заслеженную доску, служившую трапом. Как только оба ступили на маслянистый от влаги бережок, Кир переломил ружье, как бы проверяя готовность стрелять по кабану. Очень хотелось ему хоть издали увидеть вепря, чьи следы однажды так бросились им в глаза.

Желудей было, скользких и твердокаменных, под сапогами больше, чем листьев, а листья с дубов совсем не облетели и держались на ветвях, палевые, в соседстве с бурыми и даже темно-зелеными, и казалось, что ты попал в какой-то расписной чертог. Там, там, в глубине дубравы, в удаленности от Клязьмы, от дач, от людей, видели они однажды следы тонких копытцев, и туда же влекло их теперь, и они переглядывались, смущаясь своего азарта.

— Кажется, здесь? — остановившись под тремя подружившимися, росшими тесно дубами, спросил отец и вслушался, и стал искать глазами по земле.

Кир опять снял с плеча ружьецо. Как будто здесь!

— Нет, не здесь, — заперечил себе самому отец и с разочарованием осмотрелся. — Там тоже росли семейством дубы, но еще и осинка росла. Я хорошо помню это.

Снова, сутулясь, они двинулись дальше, Кир не позволял себе отставать, ему даже хотелось первому увидеть то излюбленное вепрем местечко.

Случилось же, что они одновременно натолкнулись на то местечко и несколько мгновений цепенели, и Кир даже вздрогнул, точно ему пощекотали спину. Здесь, здесь, и вот семейство дубов, поблизости и осинка, уже околоченная; здесь, здесь!

Если бы даже и вышел взъерошенный вепрь, они бы с отцом не пошевелились, так сковало их что-то здесь, в чужих владениях. Уже после, какое-то время спустя, Кир смог вернуть себе способность дышать, двигаться, смотреть. Но никаких следов не открывала тихая земля, и пропасть была несъеденных желудей, таких лаково-чистых, что хотелось попробовать на зуб.

— Не трогай, пускай подрастет, — уже владея собой, насмешливо и даже иронически сказал отец и сделал предупредительный жест, заметив, что Кир вскинул ружье дулом к небу. — Пускай подрастет наш знакомый вепрь.

И Кир моментально сообразил, что отец просит его не разбивать тишину.

Сколько они с отцом так созерцательно жили — минуту, час или вечность — и не ответил бы Кир, а вепрь не приходил сюда, а дождь по-прежнему шелестел по куполам дубов и сбивал то лист, то желудь. Здесь можно было говорить обо всем, точно остались они вдвоем на свете, и немного погодя отец спросил ровным голосом:

— Послушай, а что у тебя с Борисом?

— А что? — растерялся Кир.

— Да так...

— Нет, ты о чем? — стал допытываться Кир. — Да ничего у меня с Борисом! Совсем ничего! А ты зачем это спрашиваешь? Ты скажи, скажи!

— Я вот хотел сказать... И еще: ну что ты рвешься так в это пекло, в чужую страну? Я вот и хотел тебе сказать... А знаешь, — вдруг усмехнулся отец своей находчивости, — я лучше возьму и напишу тебе. Ну да, возьму и напишу, — повторил отец и тронулся в обратный путь.

А Кир, обгоняя отца и заглядывая ему в лицо, уже решил спокойнее, что продолжается их с отцом игра, и что затеваемый отцом удачный вымысел опять обернется интересными событиями, и что никакого чудачества нет, что штурман и капитан опять будут понимать друг друга, и все наладится в эти последние их дни на Родине.

Когда снова заспешил по Клязьме облепленный листьями катерок, Кир подумал, что теперь капитан размышляет о том, как им быть с корабликом этим, и что едва подойдут они к прежнему причалу — капитан распорядится нынче же отправиться на стоянку в Южный порт.

Но остались позади мосты и дачи, остались и дубы, не оскудевшие листвой, и причал явился из мглы, и стукнулся трап о лысый и словно бы потный берег, — а все не спешил капитан отдать последний приказ.

«Ну что же это? — едва не воскликнул Кир, как только вошли они в бревенчатый домик, где уже стонал огонь в печке и где на полу, как оброненные варежки, виднелись Борисовы следы. — Да ведь пропадет наш корабль! Надо о корабле подумать!»

— Да ведь пропадет наш корабль! — уже совсем не сдержался он.

И тогда, высыпая из кармана штормовки желуди на стол, очень странно покосился отец на него и проворчал:

— «Пропадет, пропадет». Какой же ты практичный человек! Тебе не жаль, что этот дождь пропадет? Что эти желуди пропадут? Что эта осень пропадет?

— Да ведь нельзя бросать судно! — потрясенный отцовским недовольством, взмолился Кир и добавил уже растерянно: — На произвол судьбы...

— А Борис и не думает бросать на произвол судьбы, — строго заметил отец.

И тогда, подозревая неведомый ему разговор отца с Борисом, не любя сейчас Бориса так, что готов был загасить зажженный им огонь и замазать моряцкую эмблему на двери, разжечь новый костер и начертать новую эмблему, — Кир вынужден был сказать брюзгливо:

— Тогда пойду позову его.

— Зачем? Что за сбор? Ничего важного, иди и скажи ему. Теперь он штурман и капитан.

— А что он зимою будет делать с катером? Куда поставит?

— Не знаю, — равнодушно отвечал отец. — Если все человеку подсказывать, никогда он не станет штурманом.

Так, с ружьем на плече и с ключами от корабельного мотора в руке, и вышел Кир, и самое трудное было стоять перед Борисом и как будто просить того об одолжении, хотя на самом деле он преподносил соседу корабль, и Кир раздражался этим, опять заносчиво вскидывал голову, все вспоминал об отце и мямлил, что вот корабль... за ним смотреть надо... теперь ты, Борис, и штурман и капитан.

Вернувшись в дом, он увидел, что отец действительно пишет своей толстой, на сигарету похожей ручкой о трех разноцветных стержнях письмо, и это, конечно, письмо к нему, Киру, если вспомнить недавние слова капитана, и, значит, произошло меж ними нечто непоправимое.

И, воспламеняясь лицом, Кир искоса, с напряжением следил за отцом, как отец сворачивает записочку и посылает ее в гильзу, как плотным пыжом забивает гильзу, как роется затем в свалке под старым, обшарпанным диваном и находит кожаную перчатку, ветхую, наподобие истерзанной покрышки футбольного мяча, и в эту перчатку опускает гильзу и тут же перетягивает зев перчатки.

Странная почта — куда и кому?

Но это ему, Киру, странное послание, и что-то непоправимое произошло меж ними, штурманом и капитаном, и Кир, страдая от неведения и желая хоть как-нибудь удержать прежнюю дружбу отца, с гримаской обиды на лице, с той гримаской обиды, похожей на язвительную усмешку, оказался вдруг у стола, набрал побольше яблок и, прижимая их к груди, понес к плите, стал выкладывать на плиту, поднимать с пола и класть на зноем веющую плиту. Уж очень любил отец печеные яблоки!

— А теперь идем! — позвал отец, снова натягивая на голову съежившийся берет.

Совсем недолго шли они и остановились у старой березы, такой старой, что ствол ее, испорченный черными наростами коры, уже давно не походил на березовый. Тут, на краю поселка, вокруг бревенчатого домика, росло немало сосен и лиственных деревьев, а они выбрали старую дуплистую березу.

— Бросишь это письмецо в дупло, — подал капитан перчатку на шнурке. — А прочитаешь, когда вернемся. Через год, через два.

Кир полез, обхватив ногами влажный ствол и сокращаясь при движении, скоро запустил руку в дупло и кинул перчатку внутрь.

Это была выдумка отца, это была игра, и когда подумал Кир о том, что письмецо будет дожидаться его столько времени здесь, в подмосковной роще, ему очень понравилась такая затея.

Дома он, не раздеваясь, повалился на кровать и долго не мог заснуть.

В том дубовом лесу отцу хотелось быть совсем откровенным, и многое можно было понять по тоскующим глазам отца, и вот теперь, вспоминая все недоговоренности и недомолвки, вспоминая такую элегическую задумчивость капитана, Кир находил, что капитану совсем не хочется уезжать отсюда, покидать хоть на год или на два Москву, подмосковный бревенчатый домик, Клязьму и корабль, дубовый лес и старую дуплистую березу. Кир даже сел в кровати, пораженный своим открытием. «Тебе не жаль, что этот дождь пропадет? Что эти желуди пропадут? Что эта осень пропадет? Тебе этого не жаль?» Так вот что! И Кир тут же припомнил нечто похожее, вычитанное, происходившее с одним русским, жившим на чужбине, и только удивило, что такая болезнь стала одолевать отца здесь, когда он еще у себя дома, под Москвой. Ни спать, ни лежать во тьме и тепле бревенчатого домика уже не мог Кир, его терзало желание сейчас, в ночь, прочитать письмо капитана, потому что в том письме особые мысли, потому что оказалось, штурман думал лишь о судне, а капитан — обо всем: о реке, о берегах реки.

Фонариком, который Кир захватил, он пока не светил, но и потом, едва оказался у старой березы и сжал в руке перчатку со шнурком, не стал светить: вдруг понял, что как только прочитает записочку и снова бросит в дупло, тут же и потеряет интерес к ней, ни разу не вспомнит об этой дуплистой березе там, в чужой стране нескончаемого лета.

«А что, — проницательно подумал он, — если капитан для того и написал, чтоб помнилась эта береза, этот домик, этот дождь, желуди на столе, печеные яблоки, Клязьма, дубовый лес?»

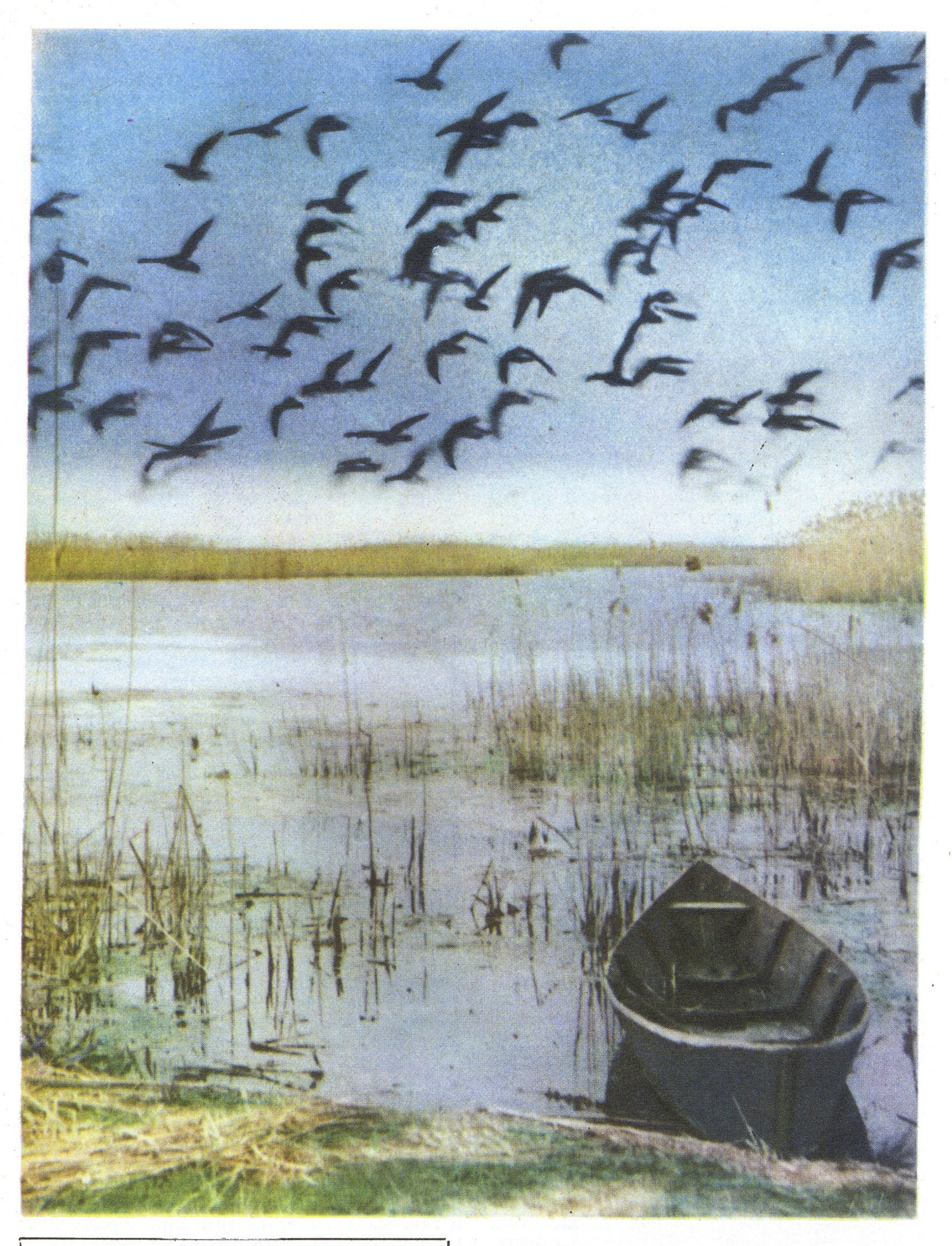
Минуту он мучился, а потом, вздохнув, полез вниз по стволу березы.

А когда ступил в тепло бревенчатого домика и точно очутился уже в ночном тепле заграничного аэропорта, то разглядел мерцающий огонек отцовской сигаретки и обмер.

— Все тот же дождь? — спросил капитан.

И Кир, усмехнувшись во тьме, ответил ему так, как отвечал в прежние времена, когда они еще никуда не собирались улетать.

— Я зашел в сарай, посветил фонариком и поглядел, как там поживает наш раненый кабан. Рана его заживает, мы скоро выпустим вепря на волю. Можешь спокойно курить свою трубку.

УТИНЫЕ БАНИ

Голубая луна закатилась в глухое урочище, погасли ясные звезды, и с горы Арагац тихо сошло в долину лучезарное утро. Мягкий свет его скользил по холодному озеру, пробирался сквозь густые камышовые заросли и, наверное, поэтому терпко пах лилиями.

Я торопливо шел по высокой траве, сбивая босыми ногами мелкую росу. На плече у меня веслецо, похожее на лопату. Надо было побыстрее добраться к Кара-Су, теплой веселой речке. В нее можно попасть, только переплыв Тайный город.

Отстранив рукой пружинящий, выстуженный за ночь камыш, я увидел челн-долбянку. Узкий и легкий, вырубленный топором из цельного бревна, он был подвижным и на редкость удобным. Он проходил мелкие перекаты и беспрепятственно пересекал вдоль и поперек запутанные улицы Тайного города.

На берегу, обхватив руками колени, сидел Ованес Акопян. Мой старый друг терпеливо ждал меня.

Ловкий челн, раздвигая носом частые рябые волны, бежал по озеру. Это было удивительное озеро Айгер-лич. Оно раскинулось в глубокой впадине у подножия горы Арагац. Вокруг него корчилась песками от жажды пустыня и жарилась в немилосердном солнце. А оно дышало прохладой, до краев наполненное хрустальной влагой. Откуда она взялась здесь, в центре пустыни? Это неиссякаемая вода горных ручейков, которая на высоте четырех с половиной тысяч метров поглощается кремнистой почвой Арагаца и тысячелетиями хранится горой, образовав внутри пещеры и водоемы. Вырываясь наружу из своих подземных хранилищ, вода собирается в озере.

Ованес подгонял лодку редкими сильными взмахами веслеца. Издали, наверное, казалось, что он копает лопатой воду. Озеро было обильно истыкано островами, дремуче поросшими камышом. На островах жили любимицы Ованеса — нутрии. Темно-коричневые спинки их все чаще стали мелькать в прибрежной зелени.

Челн, войдя в пределы Тайного города, пошел медленнее. Удивительный мир раскрывался перед нами: Тайный город — это непроходимый камышник, пересеченный водяными улицами, проулками, площадями. Тайным его прозвали местные охотники. Они наезжали каждый раз под осень, когда нутрии, нагулявшие за лето жир, готовились к зимним квартирам. Охотиться на них — дело нелегкое, тем более в таком запутанном и таинственном поселении, изрезанном вдоль тоннелями.

Как-то на уроке географии нам рассказывала учительница о Венеции. Мне виделись серые, заплесневелые от сырости стены, шумные гондолы. Здесь было куда красивее. Высокие стены были сочными и зелеными. В густом тростнике уютно жила тишина. Даже вездесущий ветер не мог пробраться сквозь камыши к середине озера.

По узкой полосе воды в камышах мы продвигались к центру города. Заблудиться было очень просто. Но Ованес вел челн уверенно.

Вот улицу пересекает другая. Мы поворачиваем влево и опять плывем меж высоких душистых стен. Далеко над нами просвечивает по-осеннему ярко-синяя лента неба. Тесный водный коридор расширяется и образует круглую площадь, в противоположном конце которой новая узкая полоска лазоревой чистой воды с зеленой оградой по бокам ведет нас вглубь и наконец выводит в широкую и глубокую реку. Это и есть главный проспект города.

Вдруг мы замечаем высоко поднятую над водой острую, с белой мордочкой головку. Ованес призывно свистнул. Но нутрия недоверчиво посмотрела в его сторону и, прямо вытянув змеевидный хвост, быстро заработала короткими кривыми лапками, торопливо поплыла к тоннелю. За нею поспешили несколько нутрият.

— Может, передохнем? — с надеждой спросил я.

Но Ованес не стал задерживаться. Его волновало другое. В устье реки Кара-Су появились первые стаи диких уток. Здесь птицы спасались от зимних холодов. У них были даже свои излюбленные уголки — «утиные бани». С реки Кара-Су поднимались горячие пары и отопляли их. Даже в 25-градусные морозы в них было 15 градусов тепла.

Беда нагрянула на птиц неожиданно. Об «утиных банях» пронюхали лисицы. То-то раздолье стало рыжим плутовкам! Утки всполошились. Все меньше стало прилетать их в гости на окраину Тайного города.

О том, как Ованес отучил лисиц, я много наслышался от знакомых охотников. История эта такова.

Школа, в которой он учился, находилась в пяти километрах отсюда, в деревне Знойные Столбы. Все лето Ованес проводил на озере, а осенью перебирался к дяде Зулкарнаю в деревню, поближе к школе. Отец оставался с матерью зимовать возле Тайного города. Он был егерем здешних мест.

Приезжая в деревню, отец радостно говорил, что не только утки, но и лебеди, селезни, даже скворцы начали заглядывать в «утиные бани».

— Но, — отец тут хмурился, — не дают птицам жизни лисицы. Да и кабаны стали заглядывать в Тайный город, чего уже давно не было. Разбаловались звери. А пугануть нечем. Выстрелы тревожат больше птиц, нежели животных...

Стало больно Ованесу за пернатых друзей. Как же помочь им выбраться из беды? Одна голова хорошо, а две — лучше. Пошел Ованес поделиться печалью с пионерами из юннатского кружка.

Как-то на перемене подбежал к Ованесу самый маленький юннат Ашотка Саалян. Заговорщицки подмигивая Ованесу, он затянул его в угол коридора и многозначительно сказал:

— Велел мне папаня позвать тебя...

Хорошо знал Ованес Шафира — отца Ашотки. Был он славный и почтенный охотник. Растерялся Ованес.

— А зачем я ему нужен?

— Придешь — узнаешь...

Ашотка сверкнул глазами и скрылся за лестницей...

Робко переступил порог старого глинобитного дома Ованес. Осмотрелся. На стенах висели шкуры, рога, оружие. В доме пахло полынью, рыбой, сыромятной кожей.

— А, — дружески встал с места навстречу Ованесу Шафир. — Хозяин Тайного города... Спасибо, что зашел...

— Да что вы, — пробормотал смущенный Ованес.

— Присаживайся... Рад тебе.

Ованес опустился на домотканый ковер, поджал под себя ноги. Шафир сел напротив и, поглаживая курчавую бороденку, пристально всмотрелся в мальчугана.

— Слышал от Ашотки беды твои... Потолковать хочу.

Долго, как с равным себе, говорил знаменитый охотник с Ованесом. Потом встал, порылся в ящике и достал оттуда литровую банку, наполненную красноватой жидкостью.

— Это жир и кровь леопарда... Нужно было мне... Ну да ладно... Вижу, тебе нужнее... Бери.

Каждую субботу, несмотря на то, что метель голодной волчицей рыскала по пустыне, Ованес, закутавшись в дядину шубу, добирался теперь к озеру. В воскресенье он на челне подъезжал к «утиным баням», разбрасывал по берегу водоемов тряпки, смоченные жиром и кровью леопарда. Шафир оказался мудрым охотником. Учуяв страшный запах, лисицы в трепете поджимали хвосты, боясь встречи с грозным владыкой зверей.

И снова пришла осень. Вот-вот ударят по озеру первые заморозки. Надо обезопасить птичий уголок, запугать хищников.

Раздвигая заросли, челн пробирался вперед и, наконец выбравшись из зеленой кущи Тайного города, выплыл в прозрачные воды реки Кара-Су. «Утиные бани» затянул белый горячий туман. Из его плотной скорлупы все чаще проклевывались птицы. Они подплывали к холодному озеру и с гортанным визгом окунались в его стынь.

— Хор-р-ро-шо!..

Мы не стали беспокоить птиц и направили челн по закраине озера, приготовив сумку с заранее уложенными «леопардовыми» тряпицами. Вдруг наше внимание привлекло яростное рычание. Мы двинулись на подозрительный звук.

На острове, вытоптав вокруг себя камыш, дрались два кабана. Что не поделили они здесь, сказать было трудно. Однако каждый из них норовил подцепить другого на жестко изогнутый клык.

Ованес смело подъехал к острову и, заложив два пальца в рот, громко засвистел. Кабаны приостановили драку, нерешительно посматривая в сторону явившегося человека. Потом один, прихрамывая, потрусил в заросли. Я засмеялся. Но, видно, преждевременно. Другой кабан, оскалившись, пошел на нас.

Ованес бросил в него тряпицей. Кабан понюхал воздух и уже не так отважно продолжал наступление.

Ованес поднял наперевес веслецо. Солнечные блики заиграли на его поверхности. Зверь попятился. Затрещал ломаемый грузным телом камыш — кабана и след простыл.

Усталые, мы возвращались домой глубоким вечером. Горели ладони от шершавого веслеца. Ныли изнемогшие мышцы. На низком густеющем небе засветила луна. Фыркали в потемках нутрии.

Нам казалось, что темно-зеленое небо — тоже неизведанный, тайный город и в луну — высветленный тоннель — спешат пушистые коричневые облака.

Вик. МАКСИМОВ

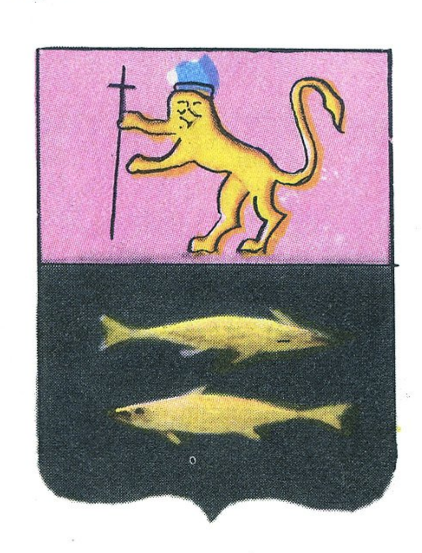

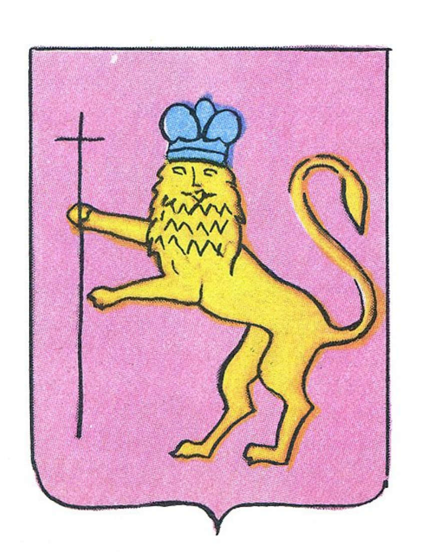
СИМВОЛЫ ГЕРАЛЬДИКИ

Значки с изображением древних русских гербов. Они имеют форму щита, на котором помещены самые разнообразные рисунки-символы: птицы, рыбы, звери, всевозможные растения. Расшифровать этот значок — значит прочесть какую-то страничку из истории города.

Сегодня мы рассказываем о некоторых старинных гербах.

Царская рыба

Эту повесть хорошо знали и пересказывали друг другу наши предки, жившие в XVII—XVIII веках. И не случайно. «Повесть о Ерше Ершовиче» рассказывает нам о лихоимстве, жадности, жестокости богатого человека. Герои этой сказочной повести — рыбы. Вор, разбойник, ябедник назван Ершом Ершовичем, обиженные крестьяне — Лещом да Голавлем, а судьи — Белугой Ярославской, Сомом, Осетром да Семгой Переславской. Переславль-Залесский — ровесник Москвы. Богатство городу приносила ряпушка, мясо которой отличалось необычайной нежностью. Рыбу прозвали «царской», так как только царская семья имела право потреблять ее. Богатство города отражено в старинном гербе, где внизу мы видим две ряпушки.

Сейчас Переславль-Залесский — районный центр Ярославской области. Здесь находится известная фабрика переславской кинопленки, текстильные предприятия, все больше и больше туристов приезжают сюда смотреть древние памятники. При въезде в город стоит пограничный столб, на котором изображен уже современный герб Переславля. Вверху мы видим парусник — память о Петровской флотилии, а внизу две рыбки, символ ряпушки, принесшей городу известность.

Водились ли в России львы?

Широкие просторы, пряный душистый запах полей, лугов, города с белокаменными соборами и теремами, неширокие извилистые дороги, проложенные сквозь темные дремучие леса — эта картина, столь характерная именно для владимирской земли, издревле радовала, волновала человека. Много старинных городов, рожденных еще в X—XII веках, существует в этом крае, и у каждого из них в прошлом был свой городской герб.

На щите самого Владимира изображен лев на задних лапах, с короной на голове, держащий в передних лапах крест. Почему именно лев? По христианской символике, пришедшей к нам из Византии, лев почитался как символ величия и мощи.

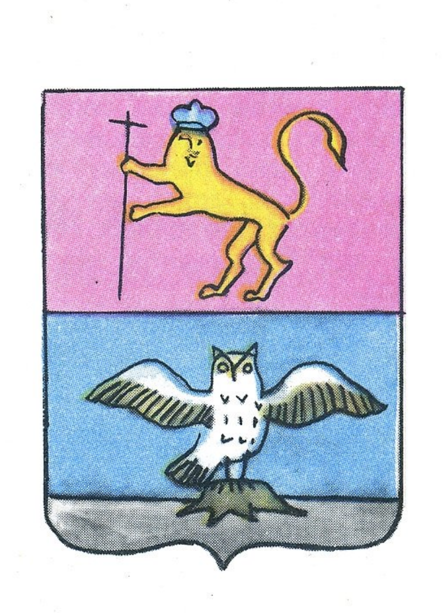
К XII веку Владимирское княжество стало могучим и сильным; правили в этой земле великие князья: Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо, а в начале XIII века — Александр Невский. Именно эти князья помещают изображения льва на свои печати как знак силы и могущества своей власти. Вот почему в 1781 году, когда утверждались гербы русских городов, Владимир получает геральдический щит с изображением льва.

На гербе же города Коврова в нижней части изображены два зайца на зеленом поле «в знак великого множества их в ковровском уезде». Мы можем представить себе, как близко подходили леса к старинному городу Киржачу, на гербе которого изображена сова. Князь Юрий Долгорукий основал на севере от Владимира небольшой город-крепость, назвав его своим именем Юрьев. Город находится среди плодородных полей, отсюда его полное название Юрьев-Польский. Издавна жители этого края занимались садоводством и вырастили особенно сочный сорт вишни, назвав ее Владимирской. На гербе города мы и видим два кузовка, наполненные яркими вишнями.

Почему павлин распустил свой хвост?

На гербе подмосковного города Серпухова — павлин, распустивший веером свой многоцветный хвост. Красивая птица эта с давних времен считалась символом гордости, а жителям небольшого подмосковного, но древнего города было чем гордиться. В том далеком знаменательном 1380 году серпуховчане одними из первых откликнулись на призыв Димитрия Донского выйти на бой с ордами Мамая. На Куликовом поле отряд под руководством Владимира Андреевича Храброго особенно отличился в бою, разгромив из засады вражескую конницу.

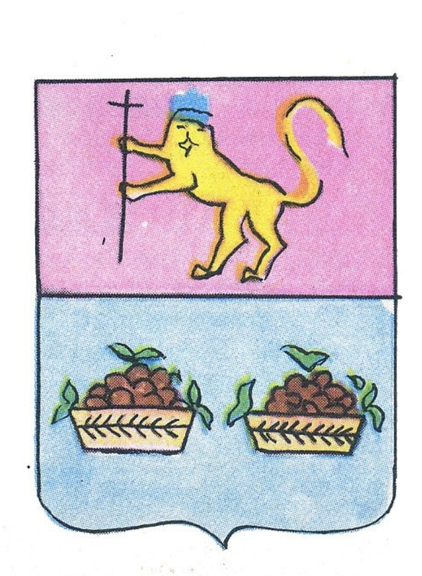
Владимир Храбрый, серпуховской князь, в этой битве получил, так же как и Димитрий, прозвище Донской, а в гербе города до сих пор распускает свой яркий хвост павлин, как бы памятуя о славном прошлом.

Райская птичка

Загадочным покажется нам герб другого древнего города, Смоленска. На пушке находится маленькая райская птичка с оторванными ногами. Попытаемся разгадать этот ребус. Первое упоминание Смоленска как русского города относится к 882 году. Город-крепость прикрывает русскую землю с запада. На протяжении многих веков враги пытаются овладеть этим городом. 16 сентября 1610 года армия польского короля Сигизмунда III двадцать месяцев стоит под стенами Смоленска, и только вследствие измены враги сумели ворваться в город. Озлобленные длительным стоянием под стенами, они взрывают главный собор, в котором погибли укрывшиеся там жители. Проходят годы, и вот в 1654 году после тяжелой двухмесячной борьбы Смоленск вновь и навсегда становится русским городом. Пушка, изображенная на городском гербе, означает победу России, а маленькая птичка рассказывает о тщеславии жалкого врага, который потерял ноги при попытке овладеть городом.

С тех пор Смоленск не раз подтверждал славу героического города. Так было и в Великую Отечественную войну, когда советские воины насмерть стояли здесь, отражая атаки фашистских полчищ.

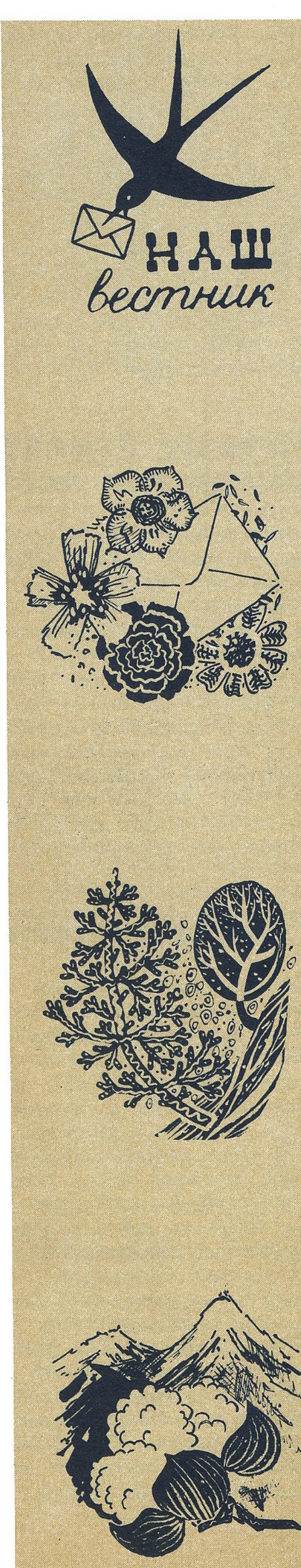

Р. ЛОБОВСКАЯ

По всей стране нашей пролегли маршруты пионерского похода «Всегда готов!». И ты, юннат, уже выбрал свой близкий, пришедшийся по душе маршрут — «Пионерстрой».

Многое предстоит тебе сделать. Провести опыты на пришкольной делянке, помогать родному колхозу или совхозу на хлебной ниве, выращивать леса и сады, разбивать цветники и скверы. Словом, работы непочатый край!

Но чтобы о твоих успехах, планах и задумках знали ребята в разных уголках страны, пиши в «Наш вестник».

Радуга в конвертах

Все лето переливается на юннатских клумбах возле Дома пионеров в Коломне нежная радуга цветов. Розовые петунии, оранжевые ноготки, синие дельфиниумы, пламенные гвоздики, малиновые флоксы. Такому цветочному ковру позавидует каждый.

О делах коломенских цветоводов знают во многих школах страны. Нет, не по заметкам в газетах, не по отчетам с выставок цветов, а по конвертам и посылкам с драгоценными семенами. Тысячи писем приходят в Коломну к юннатам и во всех одна просьба: «Вышлите семена цветов». Как тут откажешь! И летят из Коломны письма и посылки. Едут в конвертах цветочные семена, чтобы где-нибудь под Курском или Смоленском засверкать на клумбах веселой радугой.

Больше двух тысяч посылок отправили юные цветоводы в этом году. Ни одной просьбы не оставили без внимания.

Зеленый щит

Неприметно растет овраг. Не сразу заметишь, как его извилистая борозда перережет пашню и побежит по размытому дну темная ливневая вода. Но заметить нужно. И не упустить тот момент, когда легче всего обуздать овраг, пока он еще мал и только-только набирает силу.

Так стараются делать юннаты Кореневской восьмилетней школы Курской области. Земли в их колхозе «Ленинский путь» песчаные и супесчаные, легко подвергаются размыву — тут уж не зевай.

Каждый год юннаты сажают леса в приовражных полосах, заботливо ухаживают за молодыми посадками, закрепляют опасные склоны, обсаживают ивняком промоины.

Многое уже сделали ребята. Их лесные полосы зеленым щитом заслонили от эрозии колхозные пашни.

Белое поле

Самый волнующий у хлопкороба тот миг, когда из зеленой плантация хлопчатника неожиданно становится белой. И хоть ждал ты его, знал, что иначе не может быть, но вот увидел раскрывшиеся коробочки хлопчатника и не смог сдержать радости. Может, со временем проходит такое, но когда тебе шестнадцать и когда белым становится «твое» поле, — это остается на всю жизнь.

У ребят средней школы имени А. С. Пушкина Ошской области белое поле было особенным. Раньше там простиралась заброшенная земля. Камни, пыль да жалкие колючки. Унылый пейзаж!

Сколько пришлось потрудиться ученической производственной бригаде, прежде чем упали на пашню первые семена хлопчатника! Две тысячи тонн камней вывезли ребята со своего участка, внесли в землю 50 тонн удобрений, провели двойную вспашку. И вот наконец тот радостный миг. Урожай получился отменный — 20,9 центнера с гектара. И это на земле, которая считалась бросовой! Так юные хлопкоробы увеличили плантации колхоза на пятьдесят гектаров.

„Ромашка“

Наверное, название это родилось весной, когда повисает над землей белая дымка садов. Солнце застывает над нею желтым шаром, и тогда сады с этим весенним солнцем, право же, похожи на летний цветок.

«Ромашкой» назвали свой клуб юные любители природы Ямпольского Дома пионеров Сумской области. Больше пятисот ребят объединяет клуб. Тех, кто любит свою землю и хочет украсить ее зеленым нарядом, кто желает, чтобы каждую весну все новые и новые облака садов плыли над городами и поселками.

Юные садоводы работают на славу. Две тысячи яблонь, слив и груш из их сада дают обильные урожаи.

Золотое сияние кленов

Они еще маленькие, эти клены и тополя. Но осенью загораются золотом листья, и никакой дождь не в силах потушить их веселый пожар. Пламя его перекидывается с дерева на дерево — и кажется тогда, что весь сквер светится добрым и нежным светом.

Сквер этот недавно разбили жители города Навли Брянской области. А канадские клены и тополя прислали в свой районный центр юннаты Салтановской средней школы.

На счету салтановских ребят много полезных дел. Юные опытники выращивают на своем участке богатые урожаи картофеля и куузику, ставят опыты с различными сортами помидоров, в страдную пору приходят на помощь совхозным овощеводческим бригадам. Не забывают ребята и свой школьный питомник. Два года назад они создали его, чтобы выращивать саженцы быстрорастущих деревьев. Два года — срок небольшой. Но из школьного питомника вышли уже и те 300 кленов и тополей, что горят багрянцем в Навле, и сотни саженцев, которые появились на улицах поселков.

Рукотворные леса

Бронзовые от солнца сосны подступают к уральскому поселку Лопатково Свердловской области. Лесной здесь край, и понятно, что славу здешним пионерам принес он же, лес. Пятнадцать лет шефствуют над лесами юннаты. Какое уж поколение сменилось, а главная забота у всех одна — сосны.

Много их, «ребячьих», гектаров вокруг поселка. На одних сосны уже крепкие, набравшие силу за десяток лет, на других — маленькие, едва выглядывающие из высокой травы. Каждый год в конце мая выезжают в лес лопатковские школьники. И каждое лето встают на пустошах молодые сосны. Миллион деревьев посадили за эти годы ребята. Долго шуметь их сосновым борам. Шуметь и шириться, потому что эстафета добрых дел продолжается.

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

ОКТЯБРЬ

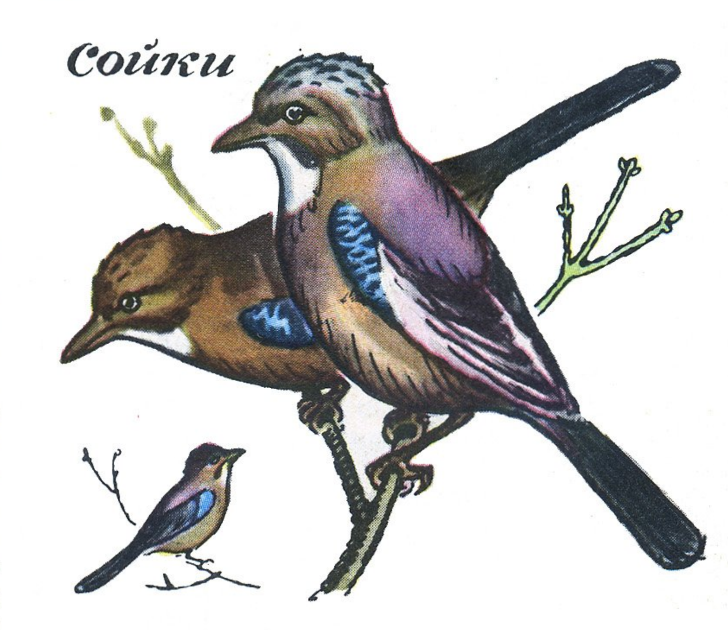

Упал на мерзлую землю последний золоченый лист. Недавно еще гладкий и блестящий, теперь он съежился от дождя, скрутился от ветра. Опустели рощи и перелески. Давно улетели птицы, разогнали утренние заморозки бабочек, жуков и насекомых. Погрустнел, обеднел лес, просыпал все свое золото на землю. Но и оно не сверкает, поблекло, потускнело. Только выглянет солнце, раздвинет тучи, и забегают в рощах веселые солнечные зайчики, покажется тогда, что вчера лишь стаял снег и деревья вот-вот выбросят яркую зелень. Но не долго октябрьское вёдро. Вот уж ветер пригнал низкие тучи, и хмурый дождь принялся умывать лес, готовить его к зимнему сну.

Еще вчера светило хоть и далекое уже, но все-таки теплое солнце, а на проводах за окном, как летом, сидели и громко переговаривались ласточки. Но с ночи ударил по стене дома холодный северный ветер, загудели, застонали провода, к утру ветер чуть стих, принес с собой рваные мокрые тучи, и все небо закрылось мутными потоками холодного октябрьского дождя. Дождь лил как из ведра пять суток, а когда погода утихла и солнце снова показалось над лесом, ласточек уже не было. Не было и скворцов, будто сразу же исчезли и грачи, опустело поле, стих лес, казалось, ничего не осталось вокруг живого. Но вдруг за окном на заборе появилась большая яркая птица. Ветер трепал ее рыжеватую грудку, теребил пестрый хохолок и голубенькие плечики нарядной незнакомки. Птица огляделась, спрыгнула с забора, пробралась к крыльцу и уже успела заглянуть в коридор. Там ничего не оказалось интересного. Птица снова уселась на забор, подставив грудку ветру, повертела головой и, издав громкий пронзительный крик, не то «кр-ре-кр-ре», не то «кж-жи-кжи-и», вспорхнула и унеслась вслед за ветром.

Конечно, совсем недавно в летнем лесу вы слышали точно такой же пронзительный громкий крик. Тогда вы заметили на тропе лису и хотели поближе подойти к ней, чтобы как следует рассмотреть рыжую кумушку. Вы очень старались не шуметь, старались наступать так, чтобы не тронуть ни одного сучка, подолгу замирали, когда лиса прекращала копать мышиную норку и поднимала голову. Казалось, еще немного — и интересная лесная встреча состоится. И вот тут-то откуда-то сверху обрушилось на вас это самое «кж-жи-кр-ри». Обрушилось разом со всех сторон. Лиса вздрогнула, быстро подняла голову и, вытянув хвост, стрелой метнулась в кусты. Вот тогда-то, с досадой посмотрев в ту сторону, откуда раздался неожиданный крик, вы и увидели крупную нарядную птицу. Птица посматривала за вами то левым, то правым глазом, любопытно и нахально вертела головой. Вы хотели рассмотреть поближе нарушителя лесной тишины, сделали было шаг к незнакомке, но не тут-то было — крикунья с шумом рванулась в сторону, а следом за ней крик паники и тревоги подхватили еще несколько точно таких же птиц. И долго в лесу сопровождали вас эти шум и крик. Птицы носились взад и вперед, то улетали от вас, то неслись следом до тех пор, пока вы не вышли из леса и не побрели по луговой тропинке. Дальше сойки следовать за вами не решились — ведь сойки очень неважные летуны, а потому предпочитают прятаться в лесу, избегая открытого пространства. И только осенью, когда в лесу станет худо с пищей, сойки появляются в поселках.

Вот мы и познакомились с сойками. Наверное, вам приходилось встречать этих ярких, шумных птиц, которые первыми поднимают в лесу тревогу и подолгу преследуют криком любого возможного врага.

Есть у сойки и еще одна интересная черта — умело подражает она песням многих птиц. И наверное, поэтому у сойки нет своей собственной песни. Может эта удивительная и находчивая птица посвистеть скворцом, повторить колено зяблика и затрещать, как дрозд. Ищешь сойку в то время, когда подрастают у нее в гнезде птенцы, прислушиваешься к голосам леса, ждешь, что вот-вот раздастся громкий резкий «кж-жи-кр-ри», но не тут-то было — не услышишь от сойки в период гнездования крика — в это время сойка очень незаметна, старается быть скрытной. И попробуй среди голосов дроздов, зябликов, пеночек узнай, какой голос принадлежит сойке, если в это время она поет чужие песни.

Но наступит осень, подуют холодные ветры с севера, загудят дожди, и появятся сойки у тебя под окнами, если неподалеку

от твоего дома растет хоть небольшой лес. А если ты успел уже повесить кормушку да еще выкладываешь туда каждый день желуди и орехи, то скоро сойка станет постоянным посетителем твоей столовой. Если же тебе придется поселить сойку в своем доме, то радуйся — сойка может стать очень хорошим и смышленым другом. Дома сойки скоро становятся доверчивыми птицами, быстро привыкают к своему другу и даже могут научиться немного говорить.

Вот и все пока о сойке. Напишите нам, ребята, что вам известно об этой птице, какие сказки, рассказы, достоверные случаи, происшедшие с сойками, вы знаете. Напишите нам, у кого из вас дома жили эти птицы, как они вели себя, удалось ли вам с ними по-настоящему подружиться.

«Лесная газета» ждет ваших писем.

Сегодня, юные следопыты, у нас второй экзамен. Сегодня вы должны внимательно выслушать наши вопросы и точно и подробно ответить на них. Не забудьте, что за ваши ответы мы выставляем оценки и в конце года по этим оценкам мы подведем итоги.

«Самое трудное для зверей время — зима. Снега много, мороз, все замерзло. Юному следопыту сейчас только и наблюдать, подмечать и, как говорится, на ус мотать. Каждый зверь оставляет за собой следы: отпечатки лап, хвоста, остатки пищи, шерстинки, помет. По этим приметам и можно узнать, что за зверь здесь проходил. Вот и сегодня я отправился по следу, а по чьему — попробуйте догадаться сами.

След искать долго не пришлось. Это был аккуратный след — отпечатки-ямочки от звериных лап. Размер лап, видимо, походил на размер лапы средней собаки. След тянулся почти точной цепочкой. Цепочка перебралась через речку по льду и подвела меня к стогу соломы. Здесь зверь покружился, попрыгал, а неподалеку я заметил кучку снега. Под снегом была зарыта мышь. «Так, — подумал я, — зверь сыт, иначе бы он не стал зарывать добычу». Дальше зверь двинулся прямо к лесу. След пересек блестевшую на солнце поляну и вдруг круто свернул в сторону. Но вместо цепочки на снегу остался неглубокий, но широкий след — здесь зверь, видимо, полз. Наконец незнакомец дополз до кустов и резко прыгнул, раскидав лапами в сторону снег. На полянке, куда прыгнул зверь, остались лежать перья. Я подобрал несколько — это были вороньи перья. Значит, незнакомец охотился за вороной. Дальше около следа я заметил капельки крови — пожалуй, зверь поймал ворону и теперь уносил свою добычу в лес. В лес пробраться мне не удалось. Там стояли сплошные кусты — заросли, где лыжам и не развернуться. Я повернул назад, снова прошел вдоль следа незнакомого зверя, снова встретил все оставшиеся на снегу приметы, внимательно рассмотрел их и только тогда догадался, что за зверь путешествовал по полю...» А вы узнали, что это был за зверь?

Итак, первый вопрос задан. Прислал его в редакцию «Лесной газеты» наш давний друг Валерий Потапов из села Малая Поляна Горьковской области. Напишите нам, юные следопыты, что это за зверь, и нарисуйте его следы.

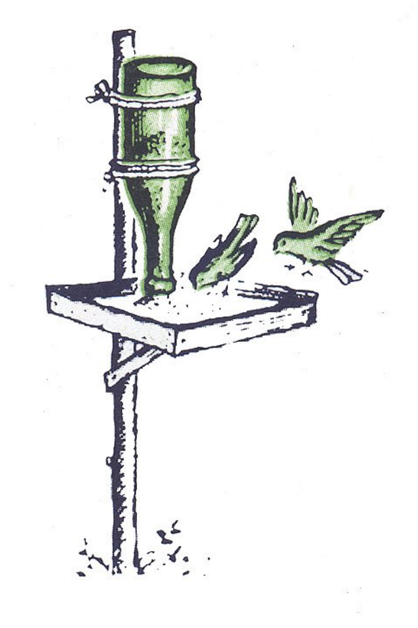
А теперь второй вопрос. Его прислал нам Игорь Новичков, который тоже живет в Горьковской области в деревне Дальнее Константиново. Прочтите внимательно его рассказ о двух зверях. Определите, о ком идет речь, нарисуйте следы и того и другого зверя и пришлите нам вместе с рисунками следов и подробный рассказ о том, что вы знаете об этих животных.

«Следы встретились мне недалеко от домов. Они были вроде бы знакомые — где-то я их уже видел. Эти следы несколько раз пересекали следы белок. То, что белки из леса пришли к домам, я уже знал. В лесу голодно, а неподалеку от домов стоят сосны с нетронутыми шишками. За белками перекочевал и этот зверь. В одном месте след белки и след зверя шли рядом — неизвестный погнался за белкой, но та успела влезть на дерево. Другую белку зверь все-таки догнал. На примятом снегу лежали клочки беличьей шерсти. Потом зверь побродил около кузницы дятла и пошел дальше. Несколько раз его след встречался рядом со следами мышей. Один раз незнакомец разрыл снег до земли, видимо желая достать мышь. Потом зверь встретился еще с каким-то неизвестным животным поменьше. Следы второго незнакомца похожи на беличьи, но круглее и расположены попарно. Длина отпечатка шесть сантиметров, а ширина четыре. Этот зверек белками не интересовался, а больше обращал внимание на мышиные следы, зарывался в снег, снова появлялся из снега и быстро-быстро скакал около корней деревьев. Иногда он совершал и сравнительно большие прыжки, длиной чуть ли не в метр, тогда все его четыре лапки отпечатывались на снегу почти рядом. Там, где снег был плотней, отпечатки лап второго неизвестного зверька казались меньше: их длина была около четырех сантиметров, а ширина меньше трех.

Я еще долго разбирал следы и первого и второго незнакомого зверя, потом около следов первого незнакомца на снегу обнаружил отпечаток хвоста и сразу догадался, кто это. А кто второй незнакомец, определить я так и не смог. Помогите мне».

Итак, следопыты, ждем ваших ответов.

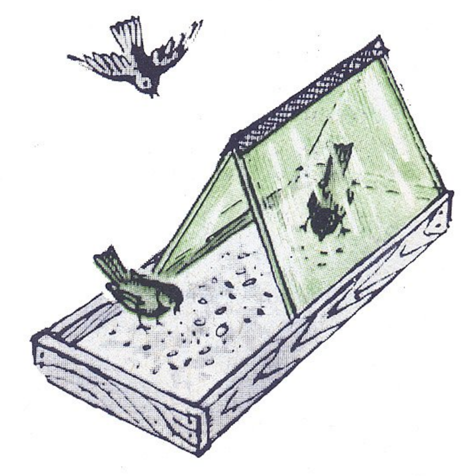

«У меня в саду стоит кормушка. К ней слетаются воробьи, синицы, снегири, галки и другие птицы. Я кормлю их утром в одно и то же время. Кормушка у меня состоит из палки, к которой прикреплена бутылка и дощечка. В бутылку кладется корм. Как только я насыплю корм и постучу по кормушке, все птицы усаживаются на яблоню и ждут, когда я немного отойду».

г. Казань — Игорь **КОРОБОВКИН**

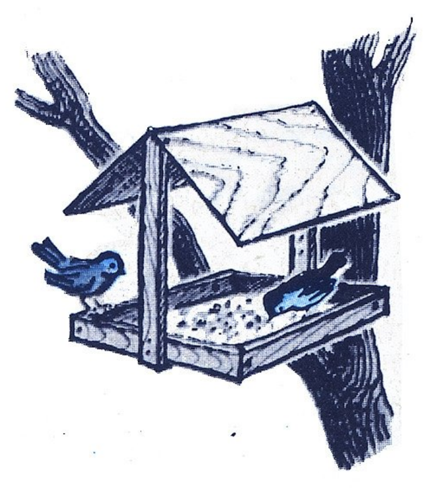
«Я сделал себе кормушку из стекла. Она треугольная, как палатка. С одной стороны вход — там стекла нет. В такой кормушке корм не засыпает снегом, а мне через стекло хорошо видно, как ведут себя птицы, что едят. Если кто хочет, пусть сделает и себе такую кормушку из стекла».

г. Киев — Сергей **КРИВОШЕЕВ**

«Однажды я прошлась по улицам, но не увидела ни одной кормушки. На следующий день мы с папой смастерили кормушку. Я насыпала туда крошек и зерна, отошла от окна и стала наблюдать. Скоро налетело много воробьев, а синицы сидели в стороне и только смотрели. Мне стало жалко и синиц и воробьев: воробьев не хотелось сгонять, а синицы сидели голодные. Тогда я попросила у бабушки целый подсолнечник и повесила его на другое окно. Синиц налетело много. Мне сразу стало весело, всех разместила, как говорится».

г. Новый Роздол
Львовской области — Ирина **ТАРАСОВА**

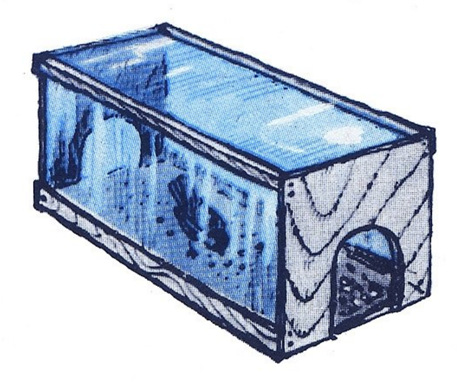
«Моя кормушка висит в саду на дереве. Это настоящая птичья столовая. Там есть крыша, и по краям прибиты дощечки, чтобы ветер не разносил зерна. Ко мне на угощение прилетают снегири, воробьи, синички и еще многие другие птицы. В моей кормушке птицам и сытно и тепло».

Днепропетровская область — **Саша КОБЕЛЕВ**

Воробьи у нас живут под крышей и чувствуют себя полными хозяевами. Как только насыплем корму, они тут как тут. Усядутся в кормушку, а синиц не пускают. Тогда мы пошли на хитрость. Воробьев кормим по-прежнему, а вот синицам повесили отдельную кормушку. Подвесили мы на ветку стеклянную баночку и насыпали туда семечек. Банка качается на ветру, и воробьи не осмеливаются посещать такую столовую. Зато синицы теперь торжествуют.

Может быть, прочитав это письмо, многие заинтересуются и начнут кормить птиц. Это очень интересно. И птицы будут довольны».

Куйбышевская область — **В. ВОЛКОВ**

«Я живу в Брянске. Около нашего дома есть маленькая роща, где бывает много птиц. А у меня дома на форточках висят кормушки: одна простая, а другая как ящик со стеклянными стенками. В кормушке со стеклом каждую ночь остается спать большая синица. У нас больших синиц много. А в рощу прилетают снегири, щеглы».

г. Брянск — **Геннадий ПОЖАРИЦКИЙ**

Здравствуйте, мои дорогие друзья. Вот и наступил октябрь, месяц первого снега и последних птичьих стай. А помните, о чем я рассказывала вам ровно год назад? Я отправилась тогда к озеру и увидела на воде лебедей. С берегов уже наступал лед, а две взрослые птицы и их еще не окрепшие птенцы плавали и не собирались улетать. Птенцы устали, и я очень волновалась, как же они улетят на юг. Но вот из-за леса показалась большая стая лебедей. Стая заметила своих сородичей, опустилась к ним на замерзающее озеро, а потом поднялась снова, полетела на юг и увела с собой и уставших птенцов и их родителей. А потом я видела, как кряковые утки помогли маленькой уточке чирку, у которой было до этого повреждено крыло, улететь вместе с ними. И тогда я спрашивала всех: могло ли такое случиться?

Что же ответили мне ребята? Почти все написали мне: «Да, лебеди и утки всегда помогают друг другу».

Многие ребята рассказали о таких случаях помощи. И тогда я действительно поверила, что все виденное мною было настоящей правдой. И сейчас, когда снова наступил октябрь, когда лед снова наступает на реки и озера, я увидела, как утки и лебеди помогают собратьям, попавшим в беду, улететь вместе с ними на юг, как терпеливо ждут, когда их друзья поправятся и смогут продолжать долгое путешествие. Ну, а вам самим, мои дорогие друзья, приходилось ли в этом году наблюдать такое? Напишите, случалось ли вам видеть, как выручали животные друг друга из беды, как спасали друг друга от смерти, как выхаживали больных и раненых. Я жду ваших интересных рассказов.

А теперь, как всегда, наступает пора новых занимательных вопросов...

«Каждое утро я выношу птичкам корм. Они очень любят семечки. Кормлю я их два раза в сутки. Когда в кормушке ничего нет, птички подлетают к моему окну и чирикают, будто просят угощения», — пишет Галя Идрисова из Коми АССР.

А как вы думаете, могут ли птицы подлетать к окну и выпрашивать угощение?

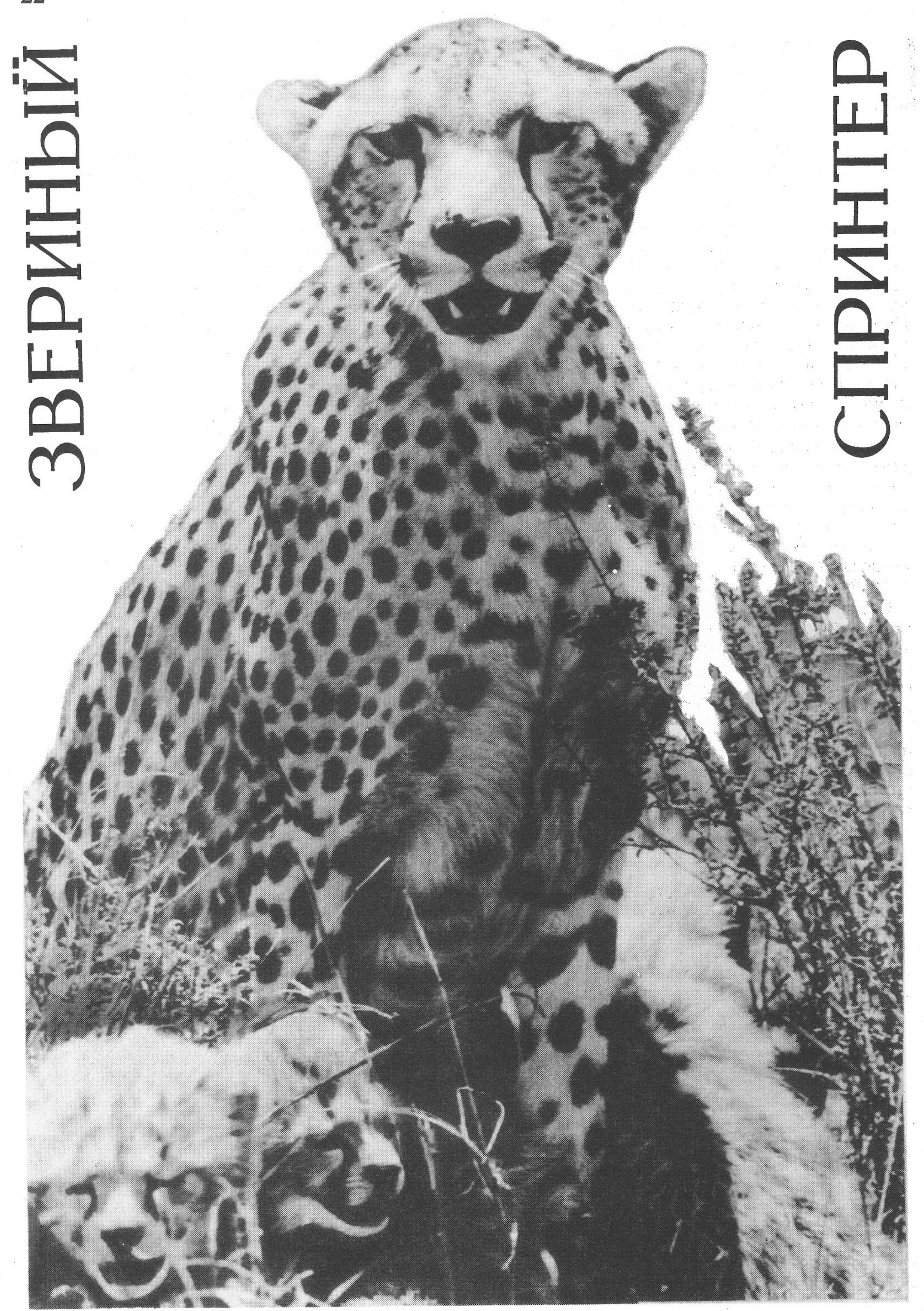
«Один раз я сидел и читал книгу. Вдруг раздался писк. Я посмотрел в окно и увидел синицу. Она сидела на кормушке и пищала. Я посмотрел на кормушку и увидел, что там нет ни сала, ни семечек. Я взял семечки и высыпал их на кормушку. Синица перестала пищать и принялась за еду», — сообщает Миша Астафьев из Мурманской области.

Как по-вашему, могла ли синица выпрашивать угощение?

Жду ваших интересных ответов, мои дорогие друзья.

ЗВЕРИНЫЙ СПРИНТЕР

Когда Марко Поло вернулся на родину из дальних странствий, продолжавшихся 24 года, он рассказал своим землякам-венецианцам, что при дворе великого монгольского хана Хубилая видел ручных... леопардов.

Мало кто поверил тогда этим рассказам: леопарды были в Европе известны издревле, но никому еще не удавалось сломить нрав и одомашнить этих диких и коварных кошек. А Марко Поло и без того прослыл вралем из-за своих «выдумок» о магнитной стрелке, бумажных деньгах, печатных досках, якобы применяемых на таинственном Востоке. Не помогли ему и подробности о том, что леопарды, сопровождавшие Хубилая на охоту за антилопами, были какие-то не такие — длинноногие, со сплошными черными пятнами на спине и почти белым подбрюшьем.

Удивительного тут ничего нет. И по сей день путаница продолжается. Необузданного леопарда до сих пор нередко валят в одну кучу с его куда более склонным к дружбе с человеком далеким родственником — гепардом. А в Индии, где этот зверь встречается нередко, во многих областях у обеих этих кошек даже имя одно и то же.

Судьба этого зверя несколько своеобразна. Гепардов держали весьма высокопоставленные особы. В летописях говорится, что еще в пятом веке император Византии Анастасий получил в подарок «ловчих леопардов» и с их помощью охотился на ланей.

С Востока этот вид спорта перекочевал на Запад. И не только арабские шейхи и абиссинские вельможи, а и наиболее состоятельная итальянская знать средневековых городов-государств появлялась в толпе приближенных, изысканно придерживая пятнистого любимца за расшитый драгоценными каменьями ошейник.

Это все из области светской хроники. А что говорит о гепарде наука?

Оказывается, гепард — животное-парадокс. Хотя он и принадлежит к семейству кошачьих, но при кошачьей голове и длинном хвосте весь склад туловища и ног у него... собачий. И это не просто субъективное наблюдение. Ни у кого больше из кошек нет такого характерного для собак соотношения размеров частей тела. Длина гепарда достигает (не считая хвоста) чуть ли не полутора метров, а высота — 85 сантиметров. Весит взрослый самец до 70 килограммов.

Пушистая шерсть взрослого гепарда всегда кажется вылизанной. Это и не удивительно: он ведь чистоплотен, как все кошки. Но в остальном его манеры отличаются решительностью, резковатостью, а не елейной вкрадчивостью, как у других его родичей — от домашней Мурки до полосатого Шерхана — грозы индийских джунглей.

Самая яркая отличительная особенность гепарда — его когти: они не втягиваются в специальные «футляры», а всегда, как бы он их ни прятал, выступают наружу. Когти эти тупые, как у собаки, и для того, чтобы хватать и распарывать добычу, они не годятся.

Немало гепардов встречается в зоопарках мира. Но до самого последнего десятилетия размножаться в неволе они упорно отказывались. Видный специалист доктор Джордж Пурнелл, куратор отдела млекопитающих Зоологического общества в Сан-Диего, сообщает, что из двадцати щенят гепардов, родившихся за решеткой, только два выжили. В трехдневном возрасте каждый из щенят весил по 360 граммов. Глаза у них открылись на восьмой день. Пушистая серебристо-серая шерстка на загривке, простиравшаяся почти во всю длину спины, сохранялась примерно десять недель, после чего исчезла, оставшись лишь на шее.

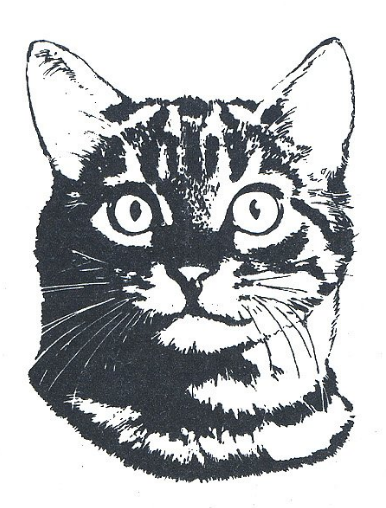
Гепарда считают чемпионом мира по бегу. Есть немало свидетелей, утверждающих, что они наблюдали, как гепард развивает скорость чуть ли не до 140 километров в час. Правда, ученые при этом не присутствовали. Но вот известному зоологу доктору Милтону Хилдебранду удалось сфотографировать и высчитать скорость бега гепарда. Оказалось, животные могут развивать скорость 89,6 километра в час.

Это, конечно, не сто сорок, но зато достоверно. Даже если гепард и уступает американской вилорогой антилопе, относительно которой есть точные сведения, что она как-то раз шла вровень с автомашиной, а у той на спидометре было 97 километров в час, все равно его скорость может вызвать зависть у многих из царства зверей.

Правда, гепард чемпион по бегу лишь на короткие дистанции. Закончив спринт и выложившись, он сразу резко сбрасывает скорость. Так что гну или антилопа Томпсона, которая выдержит гонку в течение всего нескольких секунд, может считать, что ей сильно повезло — до следующей встречи, конечно.

Обычные места обитания гепарда — широкие степные просторы Восточной Африки, Западной Азии, Индии. Когда-то эти звери тысячами встречались в засушливых и полупустынных местностях Индостана, Средней Азии, Сирии, Ближнего Востока, Аравии. Теперь в Индии и у нас в среднеазиатских республиках этого вида кошек уже нет, да и в Африке их становится все меньше. Поэтому молодые восточноафриканские государства сейчас принимают срочные меры, чтобы сохранить поголовье царственного пятнистого зверя в своих заповедниках.

Б. СИЛКИН

РОДОСЛОВНАЯ

Мурлыки

Наверное, не я одна люблю дружить с кошкой, но я никогда не думала, что кошка — самое знаменитое в мире животное. Если собрать все, что известно о кошках, получилась бы интересная и большая всемирная история кошек, которой хватило бы по крайней мере на десять томов.

Кошки, оказывается, очень древние животные. В раскопках, которые ученые проводили в Германии, Англии и Франции, найдены окаменевшие скелеты кошек. Большинство этих видов теперь уже не существует. Жалко, конечно!..

Самое интересное, пожалуй, то, что кошки, вероятно, первые животные, которых приручил человек. Причем не только приручил и поселил в доме, но стал считать священными.

Греческий историк Геродот пишет: египтяне еще 3 тысячи лет назад обожествляли кошку. Когда в египетской семье умирала кошка, все семейство в знак траура сбривало брови. Кошку бальзамировали и укладывали в ящичек — деревянный или бронзовый, а то и золотой. А затем торжественно хоронили в специально отведенном для этого месте. В 1860 году в Египте, недалеко от Бени-Хасана, в подземелье, было найдено 180 тысяч кошачьих мумий. Ученые считают, что этому кошачьему кладбищу не менее 3 тысяч лет. Несколько таких мумий хранится в музее Лувра в Париже. Там же хранятся египетские статуэтки кошек, найденные среди развалин Бубастиса, в восточной части дельты Нила.

Бога солнца Ра часто изображали в виде кота. Египтяне считали, что между солнцем и кошками существует таинственная связь: кошачьи зрачки расширяются и сужаются в зависимости от того, в каком месте небосвода находится солнце. Когда оно в зените, зрачки у кота узенькие, как щелки, а когда солнце заходит, зрачки расширяются во весь глаз.

Если в те времена кто-нибудь убивал кошку, хотя бы и нечаянно, его казнили. Даже царь Птолемей не смог спасти одного римлянина, случайно убившего кошку. Толпа растерзала «преступника».

Существует легенда, будто во время войны персов с египтянами персидские войска под предводительством царя Камбиза решили напасть на египетский город Пелузу (на руинах этого города теперь построен Порт-Саид). Хитрый Камбиз велел гнать впереди своего войска несметное количество кошек, а всем своим офицерам и солдатам приказал вместо щита держать в руках по кошке. Египтяне не решились губить кошек и сдались без боя.

В Европе кошки появились только в XII веке. В те далекие времена их никто не обижал. У кошек было много заслуг. Прежде всего их ценили за то, что они истребляли грызунов — мышей и крыс, которыми кишели города и деревни.

Даже теперь, в наше время, кошки продолжают борьбу с грызунами. На одной из английских фабрик дирекция наградила муаровой лентой и почетным удостоверением кота. За свои 21 год он выловил на фабрике более 22 тысяч мышей. На смену ветерану взяты два котенка.

Когда к власти пришла христианская церковь и началось гонение на мнимых колдунов и ведьм, кошкам пришлось очень худо. Особенную ненависть вызывали черные кошки. Считалось, что они оборотни, нечистая сила. Их сжигали на площадях вместе с теми, которых обвиняли в колдовстве. В ту пору с черным цветом связывалось все мрачное и злое. Черный ворон слыл зловещей птицей, человек с черными глазами мог «сглазить», черная кошка «приносила несчастье». А вот в прошлом веке среди английских моряков Йоркшира бытовало поверье, что в доме непременно надо держать черного кота. Это спасет хозяина от всех бед на море.

В России кошки появились в XVIII веке, но они вовсе не считались священными. Их задачей было как можно больше ловить мышей и крыс. В Зимнем дворце, например, содержался постоянный штат из 300 котов «для переводу мышей».

Уральва в дикой природе 35 разновеликих родственников. Разделить их на категории лучше так: кошки большие, средние кошки, или рыси, и кошки малые. У всех больших кошек и рысей зрачок круглый, у всех малых — вертикальная чечевица. Большие кошки, кроме дымчатого леопарда, барса и пумы, мурлыкать не умеют. Малые, наоборот, не умеют рычать.

Крупных кошек семь видов: лев, тигр, гепард, ягуар, ирбис, пума, пантера (или обычный леопард) и леопард дымчатый.

Все эти звери хищные, ловкие, у всех, кроме гепарда, когти втяжные.

Пантера, или леопард. Называйте как хотите. Ученые доказали — зверь один. Это, пожалуй, самый красивый зверь Африки и Азии. Встречается он изредка и у нас: на Кавказе, в Средней Азии, в Приморье и Приамурье.

Леопардам, у которых шкура черная, вы-

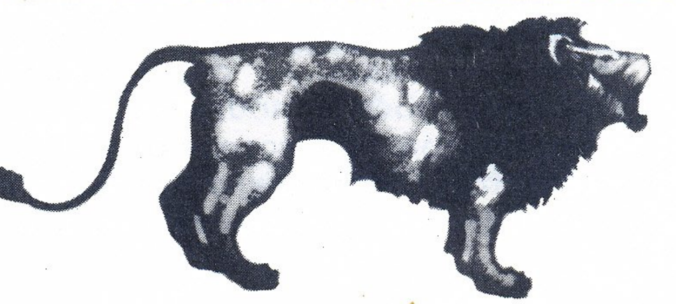
годнее держаться в лесах погуще. У пятнистых леопардов выбор мест богаче. Но и те и другие — любители разнообразного пейзажа.

В своей вотчине леопард ведет себя как добросовестный ревизор. Проторенными маршрутами не пользуется, появляется то тут, то там и всегда неожиданно. Этот

зверь — изумительный мастер подкрадываться. Чаща, лес, тьма, а леопард ни на сухой шуршащий листок не наступит, ни на ветку, которая может хрустнуть.

Леопарды — живучи, сильны. Умеют спать на деревьях, маскируясь в листве так, что их и не заметишь.

Правда, иногда хвост убрать забудут. Висит он, предупреждая, что под этим деревом ходить опасно. Спят звери днем, охотятся по ночам. Если не голоден, леопард не обидит и козленка. Но есть у него одна слабость: собак не любит и душит их, как только это ему удастся.

ПОЗДНЕЙ ОСЕНИ ПОДАРКИ

Фото Н. Бохонова и И. Константинова

Последние плоды и ягоды дарит нам осень. Иссиня-черными стали плоды крушины — небольшого деревца с раскидистой кроной и гладкой, почти черной корой. На вкус они приторно-сладкие, но есть их нельзя: можно отравиться.

Осенью раскрывает свои пурпурные коробочки и бересклет. На тонких нитях свешиваются из них «глазастые» семена. Тогда-то наступает для многих птиц праздник — мясистые присеменники бересклета их любимое лакомство. Бересклет — ценное техническое растение. В коре его корней содержится высококачественная гутта, из которой изготавливают гуттаперчу.

Издалека видны на опушках рубиновые гроздья рябин. Без них потускнела бы осень, поблекла. Красные ягоды рябины пока горьки. Лишь после заморозков потеряют они свою терпкость — и тогда не сыщешь лучше этого последнего осеннего подарка. А о пользе рябиновых ягод и говорить не приходится. Хоть и горьковатые на вкус, они содержат от 4 до 13 процентов сахара, а витамина С в них почти столько же, сколько в черной смородине и лимоне.

В дубовых, каштановых и грабовых лесах растет рябина глоговина, или

берека лечебная. К октябрю буроватые со светлыми точками ягоды глоговины синеют. Сначала они горькие и невкусные, но после первого морозца становятся сочными и сладкими — успевай только собирать!

БЕЛЫЙ ТИГР В МОЕМ ДОМЕ

— Ну, когда тебе привозить белого котенка? — позвонил Тед.

Мне пора бы уже привыкнуть к таким вопросам. Мой муж, доктор Теодор Рид, — директор Национального зоопарка Смитсонова института в Вашингтоне. И вот результат: я была приемной матерью для четверых медвежат-гибридов, одного детеныша гризли и двух юных леопардов. Да, я еще забыла назвать кольцехвостого ле-

мура, который любил сидеть на моем плече и пить апельсиновый сок.

Но Ревати оказался совсем необычным котенком. Это был единственный во всей Америке белый тигренок, разновидность оранжевого бенгальского тигра. Десять лет назад муж привез из Индии его мать, и все эти десять лет Мохини (Очаровательница) оставалась одной из самых популярных обитательниц нашего зоопарка. Голубые глаза и белый мех с бурыми полосами придавали особую прелесть Мохини.

За восемь дней до телефонного звонка Мохини родила белого тигренка.

Первые дни Мохини была образцовой матерью, но теперь руководители зоопарка начали тревожиться: слишком настойчиво облизывала она свое дитя и беспокойно ходила по клетке, таская малыша в зубах. Редкостному тигренку грозила опасность. Кому-то надо было взять на себя роль матери.

Муж считал не вправе возлагать на сотрудников столь серьезную ответственность. Ревати должна жить в нашем доме, где он сможет постоянно за ней присматривать. И роль приемной матери была поручена мне.

Глядя на трогательный пушистый комочек весом в два с половиной фунта, трудно было представить, что из него вырастет могучий зверь фунтов на четыреста, если не больше. Мы забегали, захлопотали и живо превратили спальню в «детскую комнату» с инкубатором, детскими весами и бутылочками.

Теперь я казалась всем гостям несколько озабоченной, но меня можно было понять. Как-никак в инкубаторе у нас лежало дитя стоимостью в 10 тысяч долларов. Да и разве в деньгах дело! Десятки тысяч людей узнали из газет и радио о рождении Ревати и с нетерпением ждали, когда она подрастет и появится в зоопарке. Вдруг я провалюсь в роли матери? Ведь я, по сути дела, ничего не знаю о том, как выращивать белых тигрят. Да и кто это знает...

Из 35—40 белых тигров, содержащихся в неволе, большинство живет в Индии. В Бристольском зоопарке в Англии есть чета, которая произвела на свет четверых детенышей. Одна самка принадлежит зоопарку Крендон в Майами. Мохини и ее дитя завершают список белых тигров, живущих вне Индии.

Содержание жира и белка в молоке крупных кошек очень различно. Тед прочитал все, что мог достать из специальной литературы, отыскивая сведения о молоке тигров. И ничего не нашел. Тогда мы остановились на одной из обычных смесей для новорожденных зверенышей. Ревати охотно ее выпила. Первое препятствие преодолено!

Моему младшему уже восемнадцать лет, и я давно успела забыть, сколько хлопот причиняет новорожденный. Когда Ревати принялась скулить в первую ночь, мы с Тедом сразу проснулись. Две пары босых ног одновременно коснулись пола. Вместе мы подбежали к двери «детской», вместе протиснулись в нее, как протискиваются миллионы других родителей. Оказалось, что Ревати нужна была бутылочка с молоком.

С этой минуты она требовала свою бутылочку круглые сутки, каждые три с половиной часа. Вскоре Ревати поместили в большой загончик.

Голубые глаза тигренка открылись на десятый день. На тринадцатый день Ревати впервые пошла на подкашивающихся ножках. На двадцать второй проявила желание играть: возилась со своим полотенцем, будто с куклой.

А на двадцать четвертый день произошло событие, которого я ждала с нетерпением. Ревати ни разу не проснулась за ночь. И я последовала ее примеру.

Первые серьезные неприятности начались через несколько дней, когда мы увидели, что Ревати ползает по кругу, работая только передними лапами — задние не двигались. Муж обратился к ветеринарным врачам. Не зная точно, в чем заключается недуг, они все же взялись лечить тигренка. Ревати получила антибиотики, кислородные ванны, ей прописали прогулки и молочную смесь с добавлением яиц и коньяка. Через неделю она поправилась, и мы выпустили Ревати в сад, предварительно обновив изгородь.

К этому времени ее вес утроился, и Ревати уже ела из миски. По чести говоря, аккуратной ее нельзя было назвать. После каждой трапезы мне приходилось устраивать генеральную уборку.

Тигрица приводит в порядок шерстку детенышей, вылизывая их. Я пользовалась влажной тряпкой, и Ревати очень любила умываться, от удовольствия блаженно закатывала свои голубые глазки.

В ее походке не было ничего кошачьего. Скорее неуклюжая поступь Ревати напоминала щенячью. Ей нравилось красться в тени под кустами. Время от времени она останавливалась поточить когти о мои камелии, потом набрасывалась на свою любимую игрушку — большой красный мяч из пластика.

Иногда мы разрешали ей побродить по дому. До сих пор помню не совсем обычные обеды с резвящимся под столом белым тигром.

Один из членов нашей семьи встретил появление Ревати без всякого восторга. Я говорю о большом черном коте Эбони. Первые дни он стоял в дверях «детской» и злобными глазами глядел на то, как я ухаживаю за малышом.

Но когда тигренок подрос, явная враждебность Эбони сменилась безучастностью. Ревати хотела подружиться с ним, даже подходила и игриво тыкалась в его шерстку носом. Но Эбони вскакивал на забор и гневно вылизывал то место, которое тигренок осквернил своим прикосновением.

До появления тигренка Эбони не сомневался в нашем расположении. Теперь он почувствовал, что его положение в доме подвергается угрозе. И при каждом удобном случае здоровенный котище прыгал ко мне на колени, изо всех сил изображая ласкового котенка.

А тут еще новые заботы! Зоопарк приобрел для Ревати товарища, оранжевого бенгальского тигренка. Звали его Сакхи.

Оба тигренка затевали в саду веселую игру, к немалому возмущению Эбони. Забавно было смотреть, когда коту надо было пересечь территорию тигрят. Он очень тщательно выбирал маршрут, и я уверена, что у него на каждом шагу были предусмотрены пути для быстрого отступления.

Ревати не любила оставаться одна. Пока кто-то составлял ей компанию в саду, хотя бы Эбони, она была спокойна. Стоило ей остаться одной, она начинала скулить и царапаться в дверь кухни. Слова «избалованный тигр» не раз встречаются в дневнике наблюдений, который я тогда вела.

Подчас я как-то забывала, что далеко не в каждом доме содержат тигров. Однажды к нам пришел монтер снять показания счетчика. Я чем-то была занята и знаком направила его в помещение, где в это время дремала Ревати. Монтер не умер от шока, но мне позвонили из его конторы и вежливо спросили, долго ли я собираюсь держать тигра в своем доме.

Как и все гордые родители, мы приглашали друзей посмотреть «нашего ребенка». И гости шли десятками. Только за один день нас посетило тридцать пять взрослых и детей. Тед приводил также своих коллег. Один такой визит состоялся в полночь, и тишину в доме внезапно нарушил голос обиженного тигра. На следующий день я записала в дневнике: «Лучше бы Тед не дразнил спящих тигров».

Я почти не выходила из дому, если же позарез надо было куда-то уйти, просила посидеть с тигром кого-нибудь из своих знакомых. Причем весь инструктаж сводился к одному предупреждению: «Если дом загорится, хватай тигренка и беги».

Раньше я без труда находила желающих посидеть с Ревати, теперь это с каждым днем становилось все сложнее.

К шестидесятому дню вес Ревати достиг 15 фунтов. Она уже ела мясной фарш и могла причинить боль своими зубами и когтями.

Пришла пора отправлять Ревати в зоопарк. В последний день тигрята навозились вдоволь в нашем саду. Даже Эбони словно что-то почувствовал и немножко оттаял. Пересекая сад, он увидел извивающийся тигриный хвост и не выдержал: поиграл им своей лапой. Но тут же снова напустил на себя важность и удалился.

Когда Сакхи через две недели после Ревати увезли в зоопарк, мой дом как-то сразу опустел.

Скучаю ли я по моим тиграм? Конечно.

Но я не сомневаюсь, что рано или поздно зазвонит телефон и голос Теда распорядится: «Приготовь «детскую» комнату».

Хотелось бы знать, какого ребенка мне подбросят теперь?

Элизабет РИД

Перевел с английского Л. ЖДАНОВ

Жуки-бомбардировщики

Около ста лет назад в Южной Африке один путешественник обнаружил небольших жучков, которые, как жужелицы, «выстреливали» во врагов жгучую жидкость. При этом слышался громкий треск. Казалось, жуки производят выстрелы. За это их и прозвали жуками-бомбардировщиками.

Недавно ученые исследовали, как именно защищаются жуки. Оказалось, что в их теле в особой закрытой камере скапливается жидкость, в которой растворены перекись водорода и другие вещества. По тоненькому канальцу-трубочке этот раствор попадает в другую камеру, где все эти вещества разлагаются. И вот что самое замечательное: при их разложении выделяется очень много тепла. Раствор нагревается до кипения. Смесь горячего пара и кипящей жидкости с силой вырывается наружу и обжигает всех, кто пытается схватить маленькое насекомое.

При помощи особых чувствительных термометров ученые убедились в правильности своих предположений: жук-бомбардировщик действительно выбрасывает горячую жидкость. Ученые думают, что этот удивительный жук является единственным живым существом на свете, в теле которого развивается такая высокая температура.

Рис. Е. Позднева

ПТИЦЕГРАД

— Друзья мои! Тот, кто присутствовал на прошлом заседании Клуба Почемучек, уже знаком с нашей гостьей. Мало того, смею утверждать, вы все ее тут же узнаете, стоит лишь вспомнить мудрые русские народные сказки.

— Да не говори ты загадками. Василиса я, Премудрая. И опять-таки не без дела к вам пожаловала. А привела меня к вам сказка.

В некотором царстве, в лесном государстве чудо-город стоит, Птицеград называется. Я в том городе была, песни слушала. На все птичьи голоса в них Почемучек славят, тех, что терема понастроили тесовые, скатерти-самобранки раскинули щедрые... И любая пичуга там живет без страха, без опасения...

— Позвольте спросить вас, Василиса Премудрая, что это вы все в рукав прячете? В старой сказке своей, если не ошибаюсь, вы питье выливали, а потом в реки его превращали. А сейчас, простите, вы в рукав арбузные семечки бросаете?!

— А ты не думай, не гадай, зимой в лес выходи — удивишься. Рукой правой поведу — синиц накормлю. Левую вскину — снегири слетятся.

— Удивительно! Не откажетесь ли вы...

— Не проси, не откажусь! Вижу, настал черед передать в руки надежные еще один лепесток цветика-самоцветика. Он багрянцем-золотом осени расцвечен. И кто в руки его возьмет, пускай осенние птичьи заботы вспомнит. Засыпаны ли в закрома корма зимние: дынные, арбузные семечки, головки репейника, семена трав, гроздья рябины и калины? Проследите, кто из птиц улетел в края теплые, кто зимовать остался. А чтобы я про ваши дела узнала, напишите и листок оранжевый прикрепите. А теперь прощайте!

— Уже давно всем Почемучкам было объявлено о строительстве Птицеграда. Но, как вам известно, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Город строится, а мы получаем сообщения от строителей.

Столовая в лесу

Я часто бываю в лесу. В нашем лесу мало птиц, много, наверное, погибает суровой зимой. Я подумала: а что, если устроить в лесу кормушки для птиц, носить туда хлебные крошки и сухие ягоды? И я приношу птицам корм. Сначала кормушка была у меня в саду, а потом я сделала две кормушки в лесу.

г. Канск Красноярского края — **Лена ТЕПЛОВА**

Синичья больница

Зимой у меня, как и у многих ребят нашего двора, была за окном кормушка для птиц. Ровно в семь часов я насыпал им корм. К этому времени они садятся на деревья и ждут завтрака. Ко мне на кормушку прилетали разные виды синиц, воробьи, снегири. Однажды утром я, как всегда, насыпал птицам корм. Они слетели на кормушку и начали клевать семечки, коноплю, просо, хлебные крошки, рябину. И тут я заметил синицу, которая толкалась позади всех птиц и не клевала. Присмотревшись, я заметил, что у нее нет одной лапки. А ведь синицы зимой питаются зернами, которые они зажимают между лапками и раздалбливают. Я выставил из окна маленькую клетку и положил в нее масло, сало, очищенные зерна подсолнечника. Птицы подозрительно отнеслись к клетке, а синица уже на следующий день туда залетела и стала клевать масло. Даже на ночь она устроилась спать в клетке. Когда засыпала, я осторожно переставлял клетку в комнату. А утром снова выставлял ее на улицу и открывал дверку. Сначала синица клевала сало, потом вылетала из клетки, а вече-

ром снова возвращалась туда. Постепенно и другие птицы осмелели и тоже стали залетать в клетку.

г. Харьков **Сережа БОГАТЫРЕВ**

— Друзья мои! Среди прекрасных писем мне попались вот эти, которые я не мог не показать вам. Мало того, я предлагаю впредь выделять такие рассказы под общим названием:

ЖЕСТОКОЕ ОЗОРСТВО.

Барон Мюнхгаузен!

Я слышал, что если у некоторых птиц возьмешь яйцо, то они снесут еще. Решил проверить. В лесу я находил гнезда и брал из них яйца, а через несколько дней приходил и проверял, не снесла ли птица яйцо. Но я так и не нашел такой птицы. За это время я собрал большую коллекцию яиц.

г. Жуковский **Женя З.**

У меня есть друг Вова. Он думает, что очень любит животных. Он хочет подбить воробья в крыло и потом лечить его дома. Или летом для какой-нибудь игры сломает зеленую ветку, очистит ее от листьев и играет. Разве это называется любовью к природе?

А когда я ему делаю замечание, он начинает кривляться и кричать:

— Ой, ой, какой натуралист нашелся!

г. Новосибирск **Дима В.**

— Друзья мои! Меня глубоко взволновали эти письма. Не могу удержаться от желания предостеречь вас от такого рода коллекционирования, равно как и от подобной «любви к природе».

А в Клуб Почемучек прошу впредь сообщать о том, как вы предотвращаете такое жестокое озорство.

— Буду откровенным, друзья мои, скажу, что фантазия молодых архитекторов птичьего города превзошла все мои ожидания. Проектов многое множество, и один удивительней другого. Это великолепно! Но... Но, друзья мои, я не беру на себя смелость сделать правильный выбор и представить вашему вниманию самые достойные проекты, которые могут стать образцом для строителей Птицеграда.

Это сделает человек, отлично знающий вкусы, привычки жителей этого города, главный архитектор домиков Константин Николаевич Благосклонов.

Итоги конкурса будут подведены в конце зимы — в разгар строительного сезона.

Не удивляйтесь, художники, тому, что вы не увидите сегодня выставку своих эскизов — гербов Птицеграда.

Рисунки оценит художественный совет нашего Клуба и подведет итог этого конкурса.

— А теперь предлагаю вам послушать рассказ о лесе и его жителях члена-корреспондента ВАСХНИЛ Валентина Григорьевича Нестерова.

Комар и... кибернетика

Если взглянуть на нашу планету с высоты космического полета, если облететь ее со всех сторон, то материки представятся нам песчинками в капле соленой воды. Из 51 миллиарда гектаров всей площади около 36 миллиардов гектаров занимает вода и лишь 15 приходится на сушу. И на этой суше леса покрывают свыше 4 миллиардов гектаров.

А леса, надо сказать, — это грандиозная живая система. Лес влияет на климат, почву, животный мир...

Хотите в этом убедиться? Пожалуйста.

Тайга — холодильник воздуха — образует облака, а ветер гонит их в сухие степи. Лес может сдержать ураган, снежную метель, пыльный буран.

Деревья в степях и особенно на крутых склонах скрепляют почву корнями, спасают ее от размывания, не отдают ее оврагам. А на ровных местах леса вместе с густой травой цепкими корнями крепко держат почву — никакой ветер не выдует! И, надо сказать, там, где есть лесные полосы, урожай хлебов бывает на два-три, а то и на пять центнеров больше.

Мало того, лес приходит на помощь человеку во время эпидемий. У деревьев есть отличное оружие против болезнетворных микробов — фитонциды. Леса в огромных количествах выделяют эти вещества. Фитонциды сосны и березы вступают в борьбу с вирусами гриппа или туберкулезной палочкой.

Деревья не уходят с поля боя, они умирают стоя. Стонут и скрипят больные деревья, поврежденные насекомыми, огнем пожаров и дымом заводов, помощи не просят, хотя и нуждаются в ней. Утомленный, израненный, измученный лес остается на своем посту до конца жизни, и помощь ему надо оказывать на месте, причем своевременно, щедрой рукой и с добрым сердцем.

Сейчас ничего удивительного нет в том, что люди могут управлять лесом. Это достигается не только изменением состава древесных пород и типов деревьев, но и изменением условий среды, в которой они растут, то есть, как говорят лесоводы, по принципу биоэкса («био» — организмы, «эко» — условия). Обеспечить взаимное соответствие организма и среды, рассчитать это соответствие, определить леса будущего помогают электронновычислительные машины.

Надо сказать, естественные леса дают прирост древесины 1—2 кубометра на гектар в год, а программные леса, управляемые, — 10—12 кубометров на гектар. Вот что такое лес будущего. Вот что такое знать и понимать лес.

Познание леса и управление им — сложная задача. Много в лесу открывается чудес, много загадывает он загадок. Казалось бы, кто усомнится в том, что от лесной мошкары, кроме вреда, ждать нечего. Никто?

Комары, мошки, мокрецы, слепни — одним словом, гнус — набрасываются на животных и людей. В лесхозах, на приисках, в геологоразведке гнус — бедствие. Он снижает производительность труда, распространяет страшные болезни: малярию,туляремию, сибирскую язву. Почему же человек не борется с гнусом? Борется, и довольно успешно. Найдены такие химические вещества, с помощью которых можно начисто уничтожить вредную мошкару. Представляете, леса без комаров? Замечательно? А делать этого нельзя.

Дело в том, что рыбьи мальки кормятся личинками этих насекомых. Не станет мошкары — исчезнет рыба в лесных озерах. Исчезнут и певчие птицы, ибо птенцов своих они тоже кормят насекомыми.

А кому нужен мертвый лес: без рыбы в озерах, без птичьего хора? Да и может ли расти такой лес?

Но как же все-таки быть с гнусом? И тут на помощь пришла кибернетика.

Сотрудники лаборатории кибернетики ТСХА стали записывать сигналы, которые подают комары, когда ищут пищу, сигналы приближающейся опасности. Умея воспроизводить сигналы мошкары различными аппаратами, можно заставить её разлетаться или, наоборот, собираться в специальные ящики. Такой «комариный урожай» можно перерабатывать на духи, спирт, корм для птиц.

Представьте, работает человек в лесу, кругом вьются тучи комаров, а от него разлетаются в стороны. В чем дело? Небольшой аппарат комариным голосом пищит: «Опасно! Опасно! Разлетайтесь!»

Лес служит человеку безотказно, служит всегда. И в равной степени он всегда нуждается в нашей защите и помощи.

— Прошу внимательно выслушать решение жюри: членом Клуба Почемучек может считать себя тот и только тот, кто ответит на вопрос: чем ты, твой пионерский отряд помогли лесу? Если вы живете далеко от леса или в безлесном районе, расскажите, чем помогли животным, как защитили растения.

Полагаю, что никому из вас не будет трудно ответить на этот вопрос. Я не ошибаюсь?

— Всем! Всем! Всем!

В городе Птицеграде продолжается осенняя перепись населения.

Выходите в леса, ищите, смотрите, кто остался зимовать, для кого нужно открывать птичьи столовые.

Как нужно смотреть, чтобы увидеть необыкновенное, вам подскажут Валерий Григорьевич Барков и Рихард Катц.

Одинокая ласточка

Был ясный жаркий день. Недавно прошел дождь, кругом стояли лужи. От влажной нагретой земли шел пар. Трава росла прямо на глазах. Сочная блестящая листва сверкала на солнце, шумела на ветру. В лесу уже цвел шиповник. Птицы спешили строить гнезда.

Я шел через плотину Клязьминского водохранилища. Над каменными постройками плотины с веселым щебетаньем летали ласточки. Это были городские ласточки, воронки, с короткими хвостиками и белыми грудками. Разбившись на пары, они строили гнезда. Птицы то и дело опускались на край лужи, забирали в клюв комочек грязи и летели к своему гнезду, чтобы подмазать стенку будущего жилища. На белом фронтоне здания под самой крышей виднелись темные пятна — основания будущих гнезд.

Но время от времени ласточки вдруг бросали свое занятие и с тревожным криком всей стаей носились над плотиной. Уж не хищник ли пролетел стороной?

Я долго наблюдал за птицами и наконец все понял. Среди ласточек была одна одинокая. Она не участвовала в строительстве, лишь иногда присаживалась на край чужого гнезда. Видно, это ей доставляло большое удовольствие. Но хозяева подавали сигнал тревоги, вся стая с криком поднималась в воздух и набрасывалась на ласточку. Бедняге приходилось удирать. Однако когда все успокаивалось и птицы приступали к работе, ласточка снова присаживалась на краешек чужого гнезда...

Очевидно, в одиночестве и птицам нелегко.

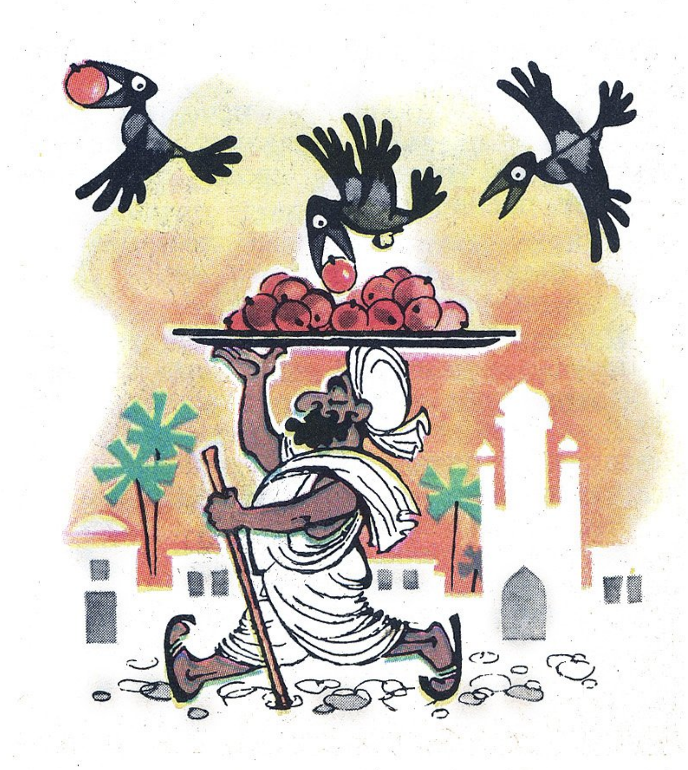
Индийская ворона

Индийская ворона — самое удивительное создание, какое я видел в тропиках. Сначала европеец, конечно, предпочитает любоваться зелеными попугаями или слонами. «Ворон можно увидеть и дома, — думает он. — И у нас они даже красивее». Ведь индийская ворона меньше, и ее черные перья лишены блеска. Эта совершенно неприметная с виду птица очень понятлива. Так понятлива, что просто диву даешься. И когда европеец привыкнет к тропикам и ему надоедят попугаи и обезьяны, он начинает интересоваться индийскими воронами. Он видит их всюду, а если даже и не видит, то это еще не значит, что их нет где-нибудь поблизости. Нужно только уронить кусочек хлеба на землю, и птицы мгновенно появятся. Совершенно безразлично, где вы находитесь — на берегу моря, в горах, джунглях или на веранде отеля: кусочек хлеба собирает по меньшей мере дюжину птиц. Индийские вороны все видят и все знают.

Эти создания мастерски добывают себе пищу. Но они предпочитают использовать счастливый случай, а не заниматься систематическими поисками еды. Попугаи едят зерна и ягоды. Им нужно лишь взлететь на дерево — и ешь вволю. Вороны тоже едят зерна и ягоды (чего они только не едят!), но они лучше будут долго кружить в воздухе, пока не ухитрятся украсть их у торговца, чем станут добывать себе пропитание таким простым способом, как попугаи. Я даже уверен, что эти бестии абсолютно точно знают, как далеко может кидаться камнями каждый из уличных торговцев.

Я обратил внимание на ворон в Джапуре. Магараджа там содержал небольшой зоопарк с несколькими тиграми, газелями и обезьянами. Обезьян кормили в 6 часов вечера. Служитель давал в руку каждой кусок белого хлеба. Без пяти шесть почти все вороны Джапура собирались у обезьяньего дерева. С половины шестого здесь уже бродила обычно пара бездомных собак. Когда обезьяна получала свой кусок, она тут же забиралась на дерево. Иначе хлеб у нее отнимали собаки. Вороны это отлично знали (чего они только не знают!) и поджидали обезьяну на ее излюбленной ветке. Едва лишь она залезала на дерево, как ворона начинала каркать. Да так издевательски, склонив голову и раскрыв клюв, что обезьяна не могла этого вынести. Она скалила зубы. Ворона продолжала каркать. Обезьяна замахивалась на нее одной рукой. Ворона увертывалась и продолжала каркать еще ехиднее. Обезьяна замахивалась другой рукой — вороны и след простыл. Ведь, замахиваясь, обезьяна роняла хлеб, и ворона должна была подхватить его на лету, иначе бы его съели собаки. Из пяти раз воронам хлеб доставался трижды — один раз он упал перед собаками, а в другой раз обезьяна просто не обратила на ворону внимания, как будто знала, что ее ожидает.

Обычно я завтракал у себя в комнате, потом шел купаться. Часто у меня на столе оставалось немного сахара и овощей. Вороны таскали их через открытое окно. Однажды они не только унесли остатки завтрака, но и вымазали мой костюм. С этих пор, уходя, я стал закрывать окно. И с этих же пор вороной владела лишь одна мысль: как все же достать сахар? Уже

перед завтраком одна из ворон сидела на кокосовой пальме перед окном. Она делала вид, что стол ее совершенно не интересует, и задумчиво смотрела на море. Но стоило мне быстро повернуться, как я встречал ее жадный взгляд, затем она снова смотрела на море. Так продолжалось два дня. А на третий, несмотря на закрытые окна, сахар исчез. Не знаю, как это ей удалось. Возможно, она влетела через открытое окно соседней комнаты или через коридор. Я не знаю. Все это слишком сложно.

Среди всех ворон Монт Лавиньи выделяется одна, с белым пятном на голове. И сейчас она сидит на подоконнике и смотрит, как я работаю. И не потому, что моя работа ее сколько-нибудь интересует. Нет. Просто она знает, что со вчерашнего вечера у меня в столе лежат два кекса. И я не удивлюсь, если скоро они исчезнут. Я не удивлюсь даже, если мне скажут, что эта хитрая ворона подобрала себе запасной ключ.

— Внимание, Почемучки! Сегодня вас ждет еще один небольшой сюрприз. Сегодня открывается в нашем Клубе раздел «Чуть-чуть обо всем». Новости со всех концов света. Итак... внимание!

Есть хвойные деревья, у которых никогда не бывает шишек, а вместо хвоинок — широкие листья. Одно из таких деревьев вы видите на снимке. Называется это дерево подокарпус Наги, родина его Япония.

Ну кто из вас может подумать, что бывает такое хвойное дерево? На его ветвях видны какие-то интересные зеленые шарики, похожие на незрелые вишни, а вовсе не шишки, которые обычны для хвойных. Это семена растения, и выставлены они словно напоказ. Так бывает только у голосемянных. Семена их располагаются открыто, «го-

ло». К голосемянным растениям, как известно, принадлежат все хвойные деревья. Словом, наш подокарпус — наглядная иллюстрация явления голосемянности.

Подокарпус Наги можно увидеть в Батумском ботаническом саду.

На дорогах Австрии погибает под колесами автомобилей множество хомяков. Дело в том, что хомяк в момент опасности не убегает, а становится «лицом к врагу», поднимается на задние лапки, раздувает защечные мешки, шипит и поворачивается к противнику своим черным брюшком с белыми пятнами по краям. Если и это не действует, хомяк может броситься на врага и вцепиться зубами... Ясно, что на автомашины это не производит никакого впечатления.

— И, как всегда, вопросы.

Мне очень нравится собирать кактусы. Хочется, чтобы их было у меня как можно больше. Но ничего не получается. Их съедает кот, хоть он и не голодный. Я посеяла для него траву, но кактусы ему больше нравятся. Съел уже семь штук. Просто беда! Помогите!

Москва **Лена К.**

Почему гнилой пень светится в темноте?

Щербакульский район Омской области **Наташа КОНОВАЛОВА**

Капканы для муравьев

Где-нибудь у края дороги, на косогорах, у стен, в садах и парках висят у самой земли беспорядочные переплетения нитей, а в центре их широким горлом вниз — узкая воронка. Сплетена она из плотного шелка, а снаружи вся инкрустирована комочками земли, камешками, иголками елей, если поблизости есть ели. Но не это поразительно в паутинной конструкции, а крошечные, будто четки, клейкие капельки, которые нанизаны одна над другой на концах нитей, спущенных с переплетений до самой земли. Это капканы для муравьев!

Бежит муравей деловито по муравьиным своим делам, заденет неосторожно одну из предательских бусинок — тут же к ней и прилипнет. Начнет биться и оторвет бусину от земли. Вмиг упругие переплетения конструкции, к которым клейкие четки привязаны, вскинут его вверх. Паук спешит к повисшему между небом и землей муравью. Подтягивает к себе ниточку с четками, к которой зазевавшийся работяга прилип. А подтянув, всего его клейкой смесью обрызгивает.

Соорудил этот довольно сложный ловчий механизм круглобрюхий паук теридиум каменистый.

Родственники и, так сказать, соавторы теридиума по самоловным механизмам живут по темным углам домов и погребов, на чердаках, в дуплах деревьев и старых пнях. Все они из того же семейства гребненогих, или круглобрюхих, пауков.

Ловушки у них схожие: пружинящие опорные переплетения нитей в виде плоской ажурной крыши вверху похожи на современные перекрытия какого-нибудь выставочного павильона. От них вниз, до земли, спускаются клейкие бусинки на паутинках (капельки маленькие, разглядеть их можно только в лупу). Механика силков та же, что у теридиума. Но воронки-убежища нет: днем паук сидит в углу своей инженерной конструкции, ночью — в центре ажурной крыши.

Оригинальничает эписинус угловатый: сетей не плетет, а только нитяную трапецию растягивает. Повиснув на ней вниз головой, держит в лапках клейкие четки, опустив их до самой земли. И так часами с похвальным терпением ждет муравьев и тех, кто, подобно им, ползает по земле.

Не все гребненогие пауки ловят только пешеходов, иные — и летунов.

Три теридиума раскидывают свои силки в воздухе. Клейкие четки нанизаны на паутинках, образующих широкие шестиугольные ячеи сети, похожей на рыболовную.

Гребненогие пауки невелики: обычно от миллиметра до семи (если длину вытянутых ног не учитывать). Знаменитый каракурт — великан среди них: у его взрослых самок брюшко с головогрудью — сантиметра полтора.

Все они будто бы робкие: добычу не укусят, не обрызгав клеем, да так, что бедное насекомое и шевельнуться не может. Не вертят его лапками, не пеленают, как крестовики. А только издали набрасывают липкие арканы. Потом осторожно подползут, укусят и тут же отскочат. А яд у них сильный: действует быстро. На самом же деле пауки совсем не боязливы, а даже очень отважны и упорны. Вполне полагаясь на свои клейкие арканы, уверенно кидают их, хотя и с безопасного расстояния, на больших насекомых и даже на других пауков — великанов, отражая их территориальные претензии.

И еще в гастрономических повадках

гребненогих то интересно, что ловят они и едят «едких» муравьев, которых многие пауки брезгливо отвергают.

В июне обычно у гребненогих пауков свадьбы. Женихи, подергивая брюшком, лапками, педипальпами и сотрясая в установленном природой ритме паутину, пугливо ухаживают за невестами. Некоторые, красуясь и вибрируя всем телом и конечностями, танцуют кадриль на вертикальных нитях, спущенных специально у паучихой резиденции.

Как у кузнечика на крыльях, есть у этих пауков стрекочущие зубчики на брюшке, а на головогруди — насечки, похожие на напильник. Друг о дружку ими потирая, паук с особой силой и темпом передает сигнальную вибрацию вдоль по нитям паутины.

С яйцами, спеленав их в коконы, пауки поступают по-разному: вешают их на паутине, в щелях вблизи от паутины, предварительно оплетая клейким шелком, бережно хранят под куполом дома или в скрученном листе. А крошка теридиум двухпятнистый носит всюду с собой огромный в сравнении с ним шар-кокон, прицепив его нитями к своему брюшку.

Когда выведутся паучата, мать будет их кормить... зобным молоком, как голуби голубят. Но молоком это называют только по аналогии с голубиным. На самом деле это просто полупереваренный сок съеденной паучихой добычи. Сравнить его с волчьей отрыжкой, которой кормятся волчата, будет, пожалуй, правильнее.

Солнечными днями в разгар лета, в июле, на паутине сизифова теридиума можно увидеть трогательные сцены, опровергающие ходячее мнение о пауках. Мать, повисшую вниз головой на тонкой ниточке, и детишек ее, паучат, гурьбой бегущих к ней по паутинкам из купола-дома. Они теснятся около ее рта, а она по капельке кормит их своим паучьим молоком. Двум-трем удается раньше других слизнуть эти капельки. Остальным приходится ждать следующих порций.

Так питает она их, маленьких, из своего рта несколько дней, а потом паучата дружно сбегаются к мухе, которую поймает мать, и учатся есть сами. Паучиха проткнет муху хелицерами во многих местах, потому что детишек не раз-два и обчелся, а десятка три, и крохотные их челюсти сами прокусить мушиный панцирь не могут.

И. АКИМУШКИН,
кандидат биологических наук

ЧУДО БЕЗ ЧУДЕС

омните?
Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверушку.

Явный навет... Такое в жизни не бывает. А вот царь Салтан поверил. И разыгрались удивительные сказочные события, о которых помним всю жизнь. Впрочем,

Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

Какой? Судите сами.

Еще недавно человек верил, что в живой природе могут происходить настоящие чудеса. Что жираф произошел от верблюда и леопарда, а страус от верблюда и воробья. Генетика, наука о наследственности и изменчивости, показала несостоятельность многих захватывающих поверий. В самом деле, от людей появляются люди, от мух — мухи, от берез — березы. А может быть, в стихах А. С. Пушкина все же есть доля правды? Может быть, возможно появление потомков, резко отличающихся от своих родителей? И та же генетика отвечает — да, возможно! Необычные потомки не такое уж редкое явление. Более того, изучая, как наследуются необычные признаки и причины их появления, человек на основе генетических закономерностей все смелее переделывает живую природу, все более умело и целенаправленно создает необычайных животных и растения, которые никогда не встречаются в природе. И пусть собака не может родить кошку, верблюд — жирафа, а царица — «неведому зверушку», все равно жизнь задает нам огромное число удивительных загадок, ненамного уступающих чудесам сказок.

Непроходимые джунгли надежно защищают вот уже в течение многих веков жизнь одного африканского племени. Здесь почти ничего не знают ни о больших городах, ни о самолетах, ни о космических ракетах. Люди рождаются, чтобы в труднейшей борьбе за существование передать детям знания предшествующих поколений. Жизнь течет своим чередом. И вдруг ошеломляющая весть облетает деревню: у одной из женщин родился беловолосый мальчик! Такого не помнят и глубокие старики. Этого не может быть, ведь всем известно, что дети африканцев черноволосы! А у младенца брови, ресницы, волосы совершенно

белые. И в то же время он кудрявый, широконосый, как все африканцы.

Разумного объяснения такому явлению нет. Скорее всего здесь не обошлось без нечистой силы, решают старейшины деревни. И очень часто подобный вывод предрешал дальнейшую судьбу матери и ее ребенка.

Я думаю, что вы согласитесь, что для африканцев, которые никогда не видели людей с белым цветом кожи, появление на свет белого ребенка действительно настоящее чудо.

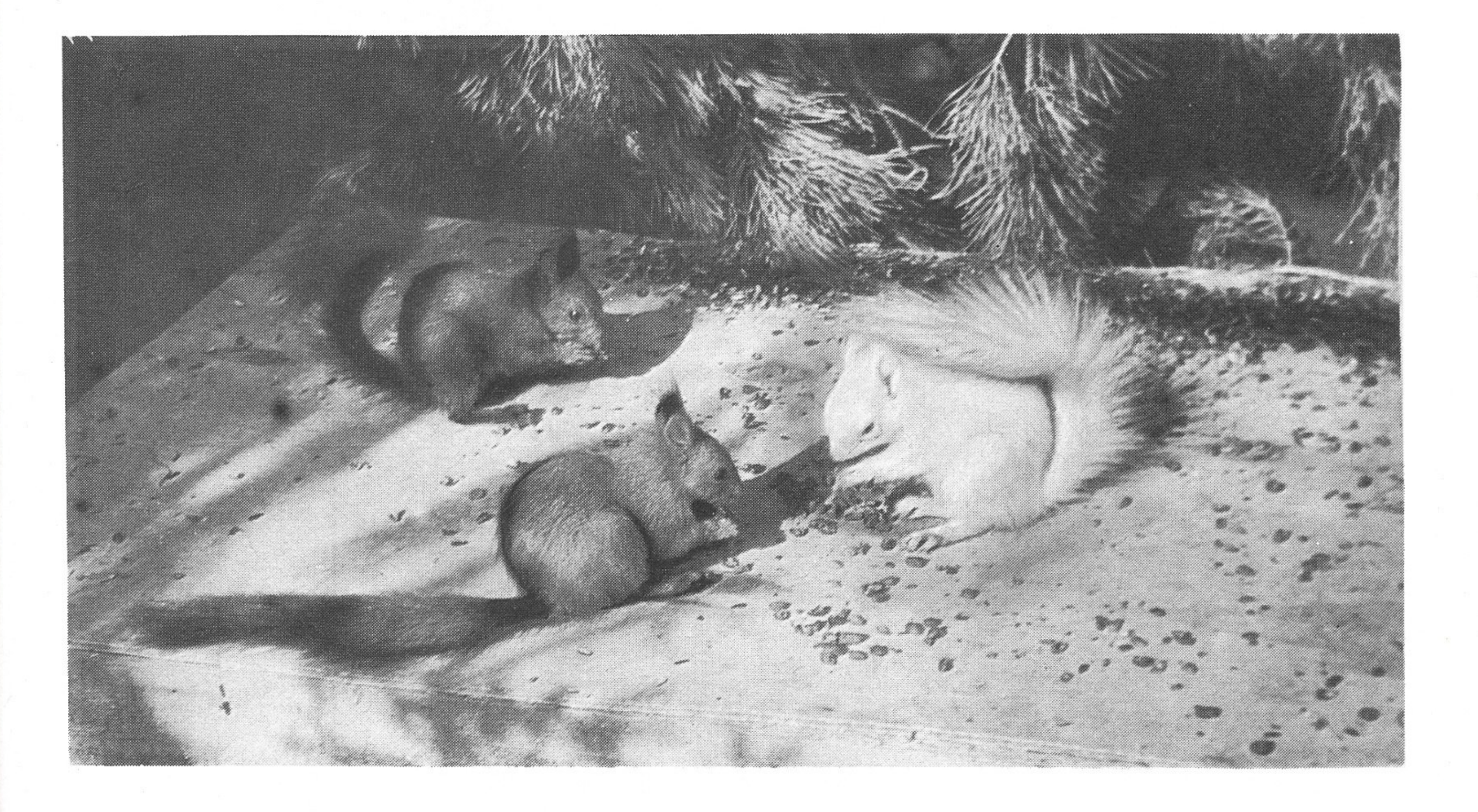
А знаете ли вы, что иногда рождаются дети не с пятью, а с шестью пальцами? Что существуют люди, у которых между пальцами имеется перепонка, в какой-то мере напоминающая лягушачью? Что у обычных родителей могут появиться дети-карлики и это свойство наследственно? Впрочем, хватит. Подобных чудес, в большей или меньшей мере поражающих наше воображение, очень много. Особенно среди растений и животных. Но каким образом и почему появляются организмы с новыми наследственными свойствами, какова роль такой наследственной изменчивости в жизни растений и животных? Полностью на этот вопрос мы с вами сейчас ответить не сможем, ибо для этого нам пришлось бы познакомиться с основными генетическими понятиями и закономерностями. А это особый разговор. Сейчас мы лишь отметим, что с размножением связаны два главных свойства живого: во-первых, появляющееся потомство обладает всеми характерными признаками своих родителей, а во-вторых, оно в то же время наделено такими признаками, которые отличают каждое животное (даже в пределах одного вида) друг от друга. В самом деле, кошки порождают только кошек, но попробуйте найти двух совершенно одинаковых. Вам этого не удастся, если вы даже просмотрите всех кошек, населяющих Землю. И это относится ко всем животным и даже к человеку. Мы похожи друг на друга: и глаза, и уши, и нос, и рот буквально у всех людей расположены там, где им полагается быть. И все же мы отличаемся один от другого!

Жизнь не любит однообразия. Однообразие для живых существ означает гибель. Не нужно забывать, что окружающие условия меняются из года в год, от сезона к сезону, не говоря уже о резкой смене климата. Вот и получается, что, с одной стороны, все животные того или иного вида должны иметь общие признаки, помогающие им лучше приспособиться к конкретным условиям обитания. Это и есть те наиболее характерные видовые признаки, которые выработались в процессе долгой эволюции и которые четко передаются из поколения в поколение. А с другой стороны, существуют признаки, отличающие животных друг от друга. Поэтому одни представители вида лучше приспособлены к одним условиям, другие — к другим. И даже резкая смена внешних условий не приведет к гибели всех животных того или другого вида. Хотя бы некоторые из них в силу существующего разнообразия выживут, оставят потомков и тем самым обеспечат продолжение рода. Изменчивость, таким образом, играет исключительно важную роль в сохранении вида. Природа, как вы видите, поступила очень мудро, наделив каждое животное индивидуальными отличительными чертами. Такие отличия могут быть малозаметными, но иногда бывают и весьма резкими. Взять хотя бы альбинизм. Известны альбиносы крысы, воробьи, кролики, мыши, свиньи. В природе животные-альбиносы, как правило, выбраковываются естественным отбором. Они очень заметны в естественных условиях и часто становятся жертвой хищников. Иногда и сами сородичи начинают гнать альбиносов из своего стада. В тех же редких случаях, когда условия жизни благоприятствуют альбиносам и они имеют примерно те же шансы выжить и оставить потомство, что и нормальные представители популяции (сообщества животных), альбиносы могут встречаться гораздо чаще.

Жители Академгородка, расположенного под Новосибирском, были приятно удивлены, когда увидели белок с необычайной окраской меха: почти черных, белых и даже бежевых. Чаще других встречались белые белки. Так получилось, что в Академгородке сложились для них весьма благоприятные условия. Белок подкармливают, по всему лесу ребята-юннаты развесили для них кормушки. Зверьки настолько привыкли к людям, что берут корм прямо из рук. А некоторые буквально преследуют прохожих, выпрашивая семечки, орехи, и очень бывают довольны, когда их угощают конфетой. Иногда белки даже обследуют карманы прохожих, могут забраться и в сумку в поисках чего-нибудь повкуснее. Одним словом, человек — враг номер один многих животных — белок не обижает, а, наоборот, пытается завоевать их доверие. Нет в Академгородке и хищников, разве что кошки. Вот почему белые белки чувствуют себя так же хорошо, как и их рыжие сородичи. В Академгородке их никто не уничтожает, и они имеют возможность нормально размножаться.

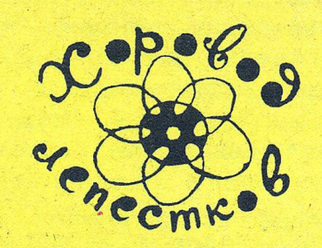
Чтобы лучше изучить необычные формы белок, сотрудник Биологического института Сибирского отделения АН СССР Д. В. Терновский отловил белых и темных белок и разводит их в специально оборудованных клетках. Их-то вы и видите на фотографии.

Откуда и почему появились в Академгородке белки новых окрасок? Что это — заново возникшее свойство или же свойство, которым обладали их предки и которое получило возможность проявиться? Изучение популяции диких видов показало, что многие наследственные уклонения, подобно альбинизму, появляются потому, что отдельные животные, несмотря на их внешнее сходство, имеют в «скрытом» состоянии наследственные задатки (гены) многих новых, необычных на первый взгляд признаков. Свойство организмов сохранять не только то, что полезно в данной конкретной обстановке, но и то, что может пригодиться в будущем, дает возможность животным выжить даже при резкой смене внешних условий. Пофантазируем немного. Представим, что белкам пришлось бы жить среди снегов. Вот здесь-то ген альбинизма, возможно, и пригодился бы. Белые белки были бы почти незаметны на фоне снега, и естественный отбор, по-видимому, в первую очередь способствовал бы сохранению белок-альбиносов.

Познав закономерности наследования признаков, человек не только понял, почему иногда появляются необычные животные, но и сумел поставить эти закономерности себе на службу. Одним из примеров этого является разведение цветных норок — гордости современного пушного звероводства. Если вы попадете на звероводческую ферму, то наверняка будете поражены удивительным разнообразием окраски меха разводимых норок. Здесь можно увидеть коричневых, белых, бежевых и голубых зверьков самых разнообразных оттенков. Впечатление такое, будто человек сумел пленить щедрую красоту радуги и всю чистоту, нежность и глубину ее красок подчинить себе. Использовать в своих интересах эти и многие другие чудеса живой природы человеку помогает генетика — наука о наследственности и изменчивости.

В. ЕВСИКОВ,
кандидат биологических наук

Не пропустите время осенних посадок кустарников. Кустарниками хорошо украсить пришкольный сад, улицу, городской двор, из них можно устроить живую изгородь.

●

Калина обыкновенная. Красивый кустарник: листва густая, соцветия крупные, белоснежные. Особенно хороша калина в осеннюю пору, когда ее кусты украшают ярко-красные, словно раскаленные, плоды. От слова «раскаленный» и пошло ее название. За красоту попала она в народные песни, сказки. В старину калину считали символом красоты и любви.

Растет калина густым кустарником высотой до четырех метров. Листья у нее трех-пятилопастные, темно-зеленые, осенью окрашиваются в красные, пурпурные и желтые тона. Даже зимой калина нарядна: на ее ветках гроздья ярких плодов.

Но это еще не все. В отличие от многих декоративных растений у калины много достоинств: она ценное медоносное растение. Ее хорошо посадить и около пасеки. Кора калины целебна. Ее охотно принимают заготовители лекарственного сырья. Собирают кору весной во время сокодвижения. В это время она легко отделяется от древесины и содержит много целебных веществ. Из коры готовят экстракт, который быстро останавливает кровотечение.

Идут в дело и плоды калины. После промораживания, когда горечи будет меньше, их можно использовать в пищу. Горечь исчезает от варки или тушения. Из плодов калины можно приготовить вкусный мармелад, желе или начинку для пирожков.

Калина хорошо растет в городе. Нередко другие растения гибнут, если посадить их около заводов, фабрик, автострад. А калина не боится такого соседства.

К тому же калина морозостойка, теневынослива. Но высаживать ее лучше всего на участках с хорошо увлажненной почвой. Влагу она очень любит и тогда будет развиваться особенно пышно. Разводить калину можно семенами, черенками, отпрысками и отводками.

●

Махровую калину, или бульденеж, называют также снежным шаром. Порой кажется, что не природа создала эти соцветия, а искусные руки умельца. Изящные помпоны щедро усыпают куст.

Целые сады в старину засаживали этим необычайно красивым кустарником, тогда его называли «снежником». Махровая калина семян не приносит, но она легко размножается порослью, черенками, отводками или делением куста.

●

Красив зимний букет из веточек с белоснежными плодами. Его вам подарит кустарник снежноягодник белый, или кистевой, который охотно выращивают в наших садах. Этот кустарник хорошо высаживать вдоль дорожек в виде бордюра, используют его и для создания невысокой живой изгороди, из него создают группы на газонах.

К цветущему снежноягоднику охотно летят пчелы за взятком. Почти все лето цветет он розовыми, похожими на мелкие колокольчики цветками.

Снежноягодник славится своими декоративными крупными белыми плодами, которые собраны в плотные кисти. Они украшают куст всю зиму. И листья у него долго не опадают.

Неприхотлив снежноягодник к почве и уходу. Будет расти даже на сухой уплотненной почве с примесью строительного мусора и извести. Но лучше всего он себя чувствует на суглинистых почвах. Устойчив к дыму и газу. Хорошо растет и в городах. Родина кустарника — Северная Америка. Разводится семенами, корневыми отпрысками, черенками. Укореняется хорошо и растет быстро. Безболезненно переносит стрижку.

●

И в средней полосе в саду можно вырастить вечнозеленые растения. К ним, например, относится магония падуболистная. Ее по праву относят к числу красивейших кустарников. У нее декоративные кожистые блестящие листья из 5—

9 листочков. На зиму не опадают. И среди зимы их можно использовать для красивых букетов.

Кустарник этот высотой до одного метра родом из Северной Америки. В средней полосе переносит морозы до минус 30. В Подмосковье плодоносит. Его можно выращивать и севернее — до Ленинграда. А в более холодных районах кусты на зиму укрывают.

Цветет магония в мае, цветки ароматные, золотисто-желтые. Ягоды сине-вато-черные, с сизым налетом, съедобные, приятного кисловатого вкуса. Со сбором ягод не запаздывайте: созревшие ягоды быстро осыпаются. Их хорошо использовать для подкрашивания различных напитков.

Магонию лучше всего высаживать на хорошо освещенных местах с плодородной и увлажненной почвой. Но это растение переносит и засуху и полутень. Магония вынослива к дыму и газу. Она хороша для вечнозеленых бордюров и низких живых изгородей. Красиво выглядит магония и на фоне зеленого газона. Особенно красив кустарник весной, когда его ветки обильно покрыты яркими соцветиями. Размножается магония чаще всего семенами, иногда отводками и совсем редко зелеными черенками.

●

Красивы, душисты крупные кисти цветущей сирени. Их окраска чаще всего бывает лиловой и белой.

Особенной красотой выделяется сортовая сирень.

Сирень обыкновенная до глубокой осени сохраняет свою листву. Это растение — прекрасный санитар. Наблюдения показали, что ее густые кусты задерживают пыли значительно больше, чем другие декоративные кустарники. Чтобы сирень цвела обильно каждый год, удаляйте отцветшие соцветия. Ведь на созревание семян растения тратят много сил.

Лучше всего сирень высаживать на солнечных участках с плодородной почвой, кислые почвы она не переносит.

●

На небольших пришкольных участках надо больше высаживать кустарников, на обширных — больше деревьев. Кустарники, которые разрастаются особенно пышно, например сирень, высаживайте один от другого на расстоянии 1,2—1,5 метра. Средние по размерам кустарники (чубушник, шиповник) — на расстоянии 0,8—1,0 метра.

Когда хотят создать из кустарников живую изгородь в один ряд, расстояние между кустами должно быть 25—40 сантиметров (в зависимости от вида кустарника и величины саженцев). А если кустарники сажают в два ряда, между растениями оставляют 40—50 сантиметров, а между рядами — 20 сантиметров. Кусты высаживайте в шахматном порядке.

Посадочные ямы для кустарников должны быть диаметром и глубиной в 60 сантиметров. На неплодородной, тощей почве еще шире. При создании однорядной и двухрядной живой изгороди ширина траншеи бывает 40—60 сантиметров, глубина 60 сантиметров. Посадочные ямы и траншеи заполните плодородной почвой, добавьте удобрения. После посадки кусты основательно полейте, под каждый куст вылейте по ведру воды.

Б. АЛЕКСАНДРОВ

●

Лимонник вполне заслуживает того, чтобы его выращивали всюду. Он полезен, красив, не боится холода. А если учесть, что его корни располагаются у самой поверхности, то это позволяет выращивать его на балконах в цветочных ящиках.

Лучшее время для посева лимонника — поздняя осень, перед наступлением морозов. Заполните ящики рыхлой почвой, удобренной перегноем, лучше лиственным. Семена высевайте на глубину 1—1,5 сантиметра и на расстоянии 30—40 сантиметров. На зиму ящики хорошенько засыпьте снегом.

В конце мая — начале июня появятся всходы лимонника, очень похожие на всходы огурцов. Постоянно нужно следить, чтобы земля в ящике не пересыхала, мульчируйте ее.

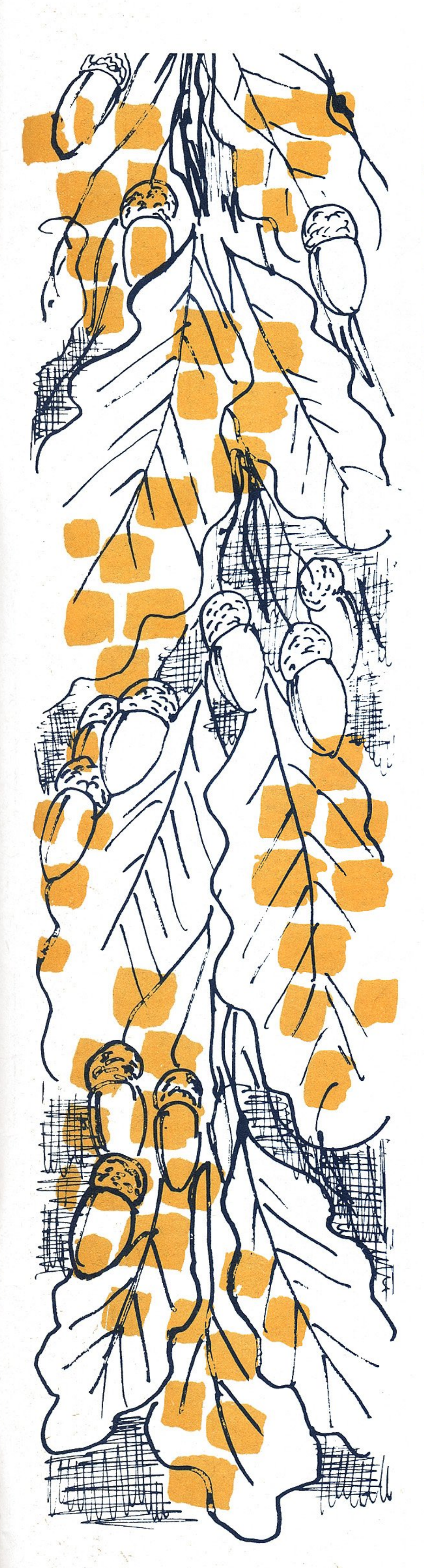
Лимонник — вьющееся растение, поэтому для него нужно сделать П-образную шпалеру, на которую натянуть шпагат или изолированную тонкую проволоку. Молодые побеги лимонника тонкие. У них нет усов, как у винограда, или присосок, как у плюща. Вокруг опоры он обвивается, подобно вьюнку.

Весной лимонник нужно подкормить азотными удобрениями, а летом и осенью, когда идет закладка цветочных почек, — фосфорнокалийными.

Растения начинают цвести и плодоносить в 4—5-летнем возрасте, формирования и обрезки лимонник не требует.

Лимонник все время остается на шпалерах, зимует без укрытия.

И. РАДЗИН

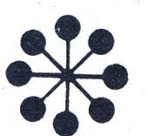
Скоро будут подведены итоги Всесоюзного конкурса по сбору грибов, ягод, плодов и других дикорастущих хозяйственно ценных и лекарственных растений, который проводят ЦК ВЛКСМ и правление Центросоюза. Вы можете еще наверстать упущенное: организовать сбор почек березы, сосны (шишки) и ольхи (соплодия), плодов боярышника кроваво-красного, жостера слабительного (ягод), лимонника, можжевельника обыкновенного (ягод), шиповника иглистого и коричного, желудей дуба черешчатого, рожек спорыньи. Ветви с листьями омелы собирают вплоть до зимы. Солянку Рихтера собирают вплоть до конца ноября. До самых заморозков собирают корневища аира болотного. В начале октября можно еще собирать траву анабазиса.

Итоги Всесоюзного конкурса по районам подводятся до 30 ноября. У вас еще есть время! Лучшие сборщики из числа пионеров и школьников премируются бесплатными путевками в пионерские лагеря «Артек» и «Орленок», малогабаритными транзисторными радиоприемниками «Альпинист», фотоаппаратами «Смена-3», ручными часами «Юность».

Сдавать собранную продукцию необходимо на приемные пункты потребительской кооперации. Желаем успеха!

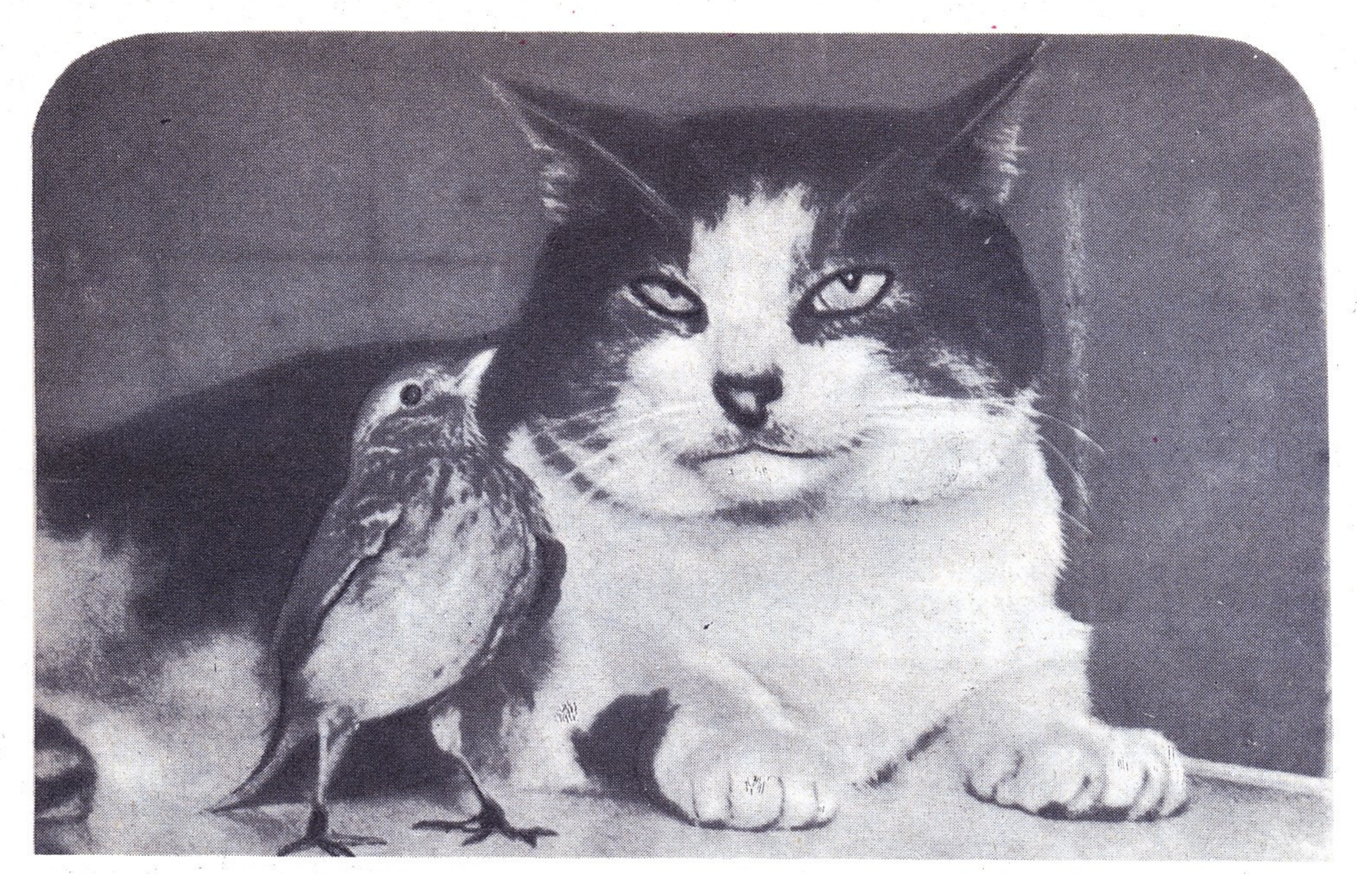
ЦЕНТРОКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ ЦЕНТРОСОЮЗА

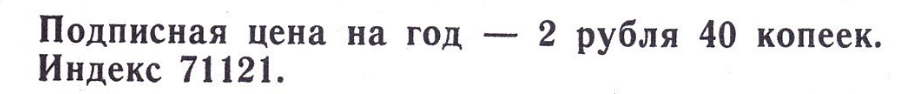
ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

О многом интересном рассказал вам «Юный натуралист» и еще расскажет в этом году. Но вопросы, которые задает природа, бесчисленны.

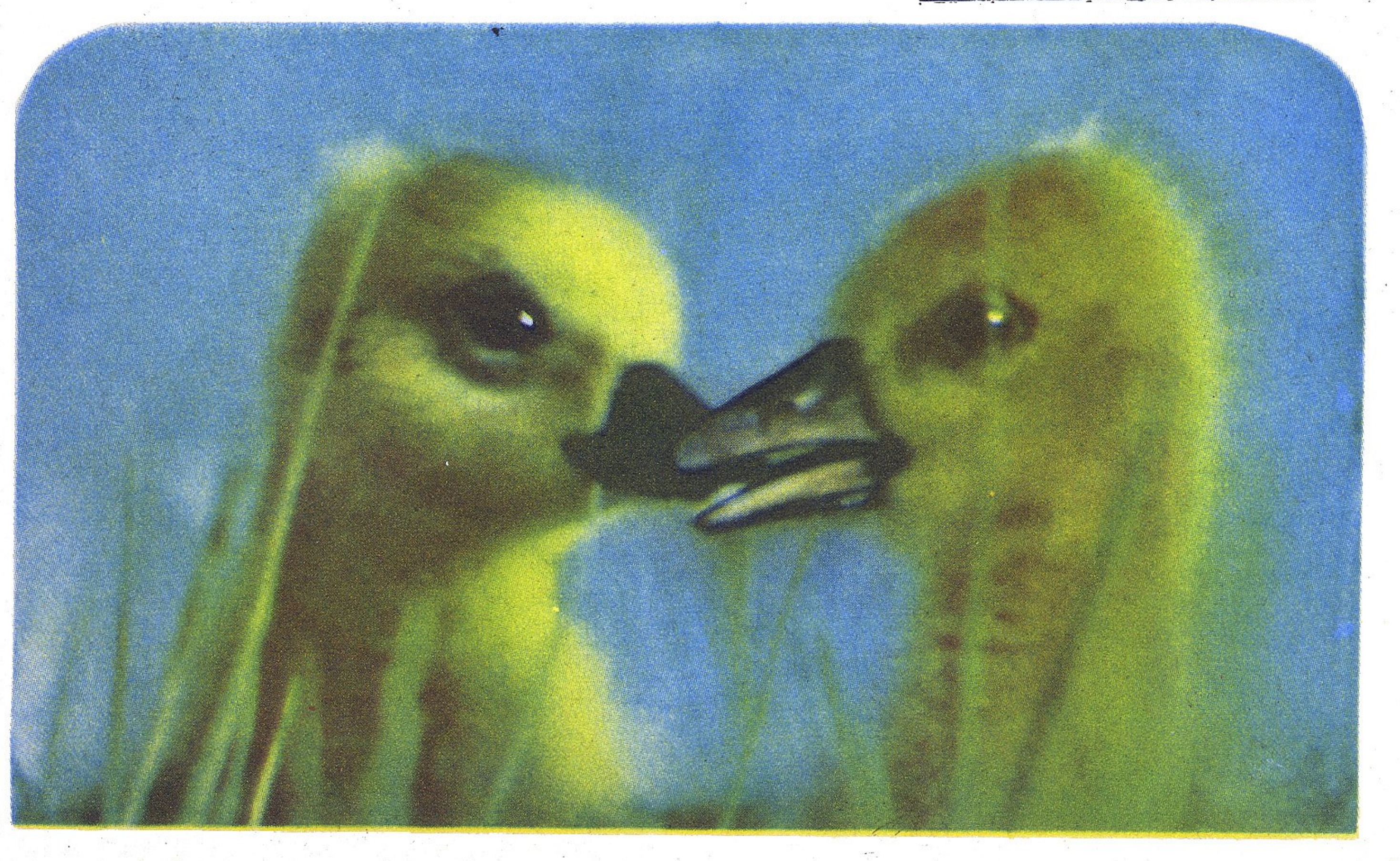

Ответы на многие-многие вопросы вы узнаете, если выпишете наш журнал на 1971 год. Подписку можно оформить в любом отделении связи без ограничений.

Подписная цена на год — 2 рубля 40 копеек. Индекс 71121.

ПОЕДИНОК

Мы шли на заре через лес, как вдруг услышали впереди знакомые волнующие звуки.

— Что это? — спросил меня товарищ. — Неужели тетерева?

— Ну конечно! — отозвался я. — Подошла пора их осеннего тока. Пойдем к ним, посмотрим, если у тебя есть время.

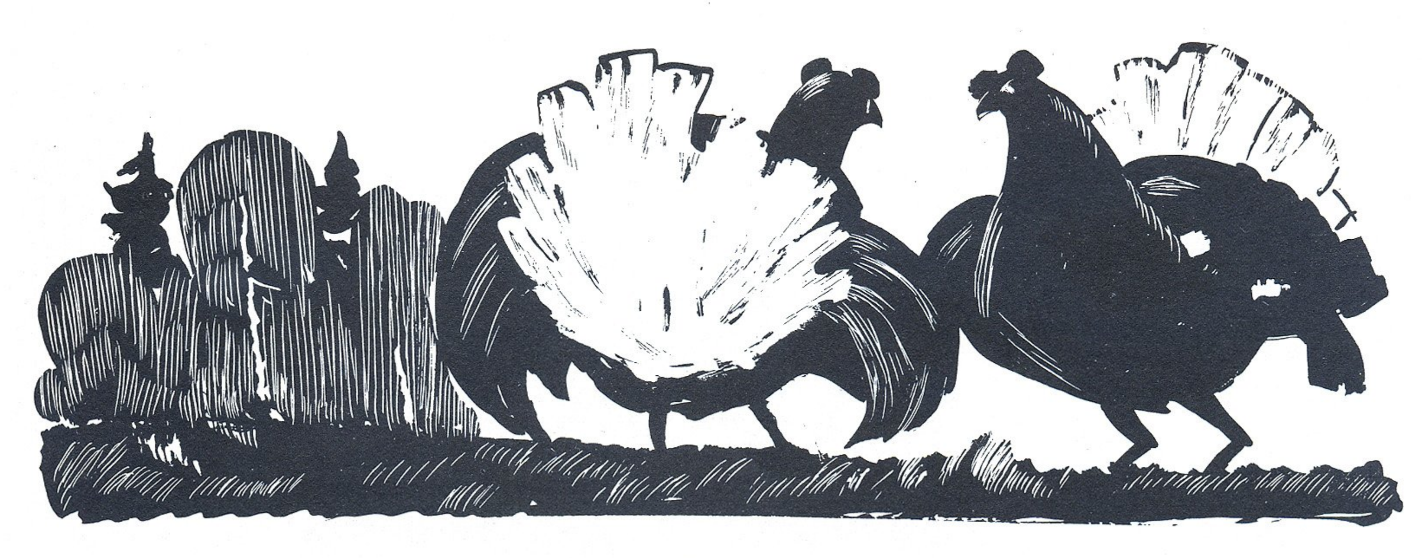
Напрямик, через чащу мы направились к токовищу. А потом, спрятавшись у опушки, стали любоваться этим великолепным «тетеревиным балом».

На большой лесной поляне, покрытой серебряной парчой инея, токовало несколько черньшей. Мелодично воркуя и чуфыкая, они медленно ходили, чертя упругим крылом по земле, словно выполняя какой-то торжественный таинственный ритуал. Однако не было тут того азарта и страсти, как в пору весенних игрищ. Косачи вели себя мирно, не перелетали постоянно с места на место, не сшибались грудью, как дерущиеся петухи, преследуя более слабого противника. К тому же поблизости не было видно их подруг. Обычно осенью и зимой черныши и тетерки держатся большей частью обособленными стаями.

— Посмотри-ка, — вдруг шепнул приятель, — тетеревами, кроме нас, еще кто-то интересуется.

Действительно, небольшой зверек показался из леса и стал осторожно красться к крайнему, сидящему далеко в стороне тетереву. Да, маленький охотник действовал толково! Затаивался, как только токовик-косач поворачивался к нему головой, но начинал быстро ползти, едва тетерев оказывался спиной или боком. Еще немного — и хищник совсем уже рядом. Молниеносным прыжком кидается он на свою жертву. Словно ракета, тетерев взлетает с земли, вертикальной свечой поднимается кверху. А под ним ясно видно повисшее тельце горностая, безжизненно качающееся из стороны в сторону. Все выше и выше поднимается тетерев, но скоро взмахи его крыльев становятся прерывистыми, судорожными. Но, очевидно, поняв, что так ему не спастись, тетерев круто спикировал в лесную чащу, исчез из глаз.

«Он там расшибется о стволы деревьев», — мелькнула мысль. Однако опасения мои были напрасными. Через несколько секунд птица снова взмыла над лесом, но зверька уже не было видно. Он был сброшен ветвями и упал на землю.

Мы побежали вперед, думая, что горностай разбился, но зверька нигде не было. Он уцелел и скрылся в чаще.

И. ТОЛОКОННИКОВ

Кияс МЕДЖИДОВ

В ГНЕЗДЕ НАД ЛЕСОМ

Мы вошли в лес к вечеру и снова заняли свое «гнездо» — огромную, сплетенную в кроне могучего дуба корзину. Как и вчера, розовые облака стали заметно темнеть, стих ветер, проглянула полоска луны. Только лес был сегодня иным.

Не слышалось привычного в летнюю пору щебетания, тревожно стучал дятел, каркала старая ворона, даже простое кукование звучало резко и предостерегающе, а одинокий крик жабы походил на плач.

Из леса выбежали несколько зайцев, притаились на полянке. Промелькнули куница, барсук... Любители темных кустов — фазаны забрались на деревья с густыми кронами.

Совсем притих лес. Смолк шумный прибой зелени, остановил свой бег на самом берегу моря. И в наступившей тишине вдруг завыл филин-пугач. Один раз, другой...

Было ясно, что все живое в лесу готовится к чему-то страшному, необычному. Ну, а мы?

Хорошенько проверили гнездо-шалаш. Покрепче подвязали крышу из веток. Надели плащи.

Ураган набросился неожиданно. Зашумели, затрещали деревья, лес загрохотал, будто могучий горный водопад Шахнигар, который бросается в реку с доброй сотни метров. Гудело и разрывалось зигзагами молний черное небо. Кто может заснуть сейчас?

Особенно опасно мелким зверушкам, которые прячутся в кустах и в траве. Под такой грохот они не могут различить шороха своих врагов, не учуют их запаха. Вот и рыщут сейчас шакалы и волки, промышляет рысь.

Скачущие по небу огненные полосы освещали поляну, как сцену театра. Иногда становилось светло как днем.

Рысь с огромной головой притаилась на краю тропы, ведущей из лесу к поляне. Мы затаили дыхание. Прямо из-под нашего дуба выбежало стадо кабанов. Остановилось. Три секача с длинными клыками были настороже. Но рысь все же метнулась в тесное кольцо окруженных секачами кабанов. Раздался пронзительный визг, и тут, как назло, кромешная темнота скрыла поляну. Но уже через пару секунд молнии снова стали исписывать небо, и мы увидели поединок трех секачей с рысью. Рысь была настроена по-боевому, наносила удары то одному, то другому кабану. Однако секачей было трое. Они с разных сторон подставляли клыки, и когти хищника только изредка могли рвануть живое мясо.

Один кабан подбежал к сбившемуся в кучу стаду, словно желая подбодрить перепуганных свиней, а двое остальных продолжали теснить рысь.

В это время на поляну выскочили шакалы. Каждый из них старался вырваться вперед, опередить, не опоздать. И тут же, труся, откатывался назад — ведь бой был еще не кончен.

Наконец раздались кошачий вопль и торжествующее хрюканье израненных секачей. Перекувыркнувшись, с распоротым брюхом, зверь беспомощно растянулся на траве. Один из кабанов, пошатываясь, уткнулся клыками в землю и упал. Стадо с двумя секачами исчезло в лесу.

Шакалы выползли, боязливо подкрадываясь к павшим зверям. Рысь обошли, она и мертвая казалась им еще страшной. Но и к кабану подошли не сразу, долго кружились, принюхивались, подвывая, хватали друг друга за уши, за ноги...

Наконец приблизились вплотную, встали кольцом. И стоило кабану из последних сил зашевелиться, мотнуть головой, как трусливые звери отпрянули кто куда.

К утру стих ветер, перестал хлестать ливень. Рассвело. Как живые вышли из сумерек деревья. Вечером они были мрачными, угрюмыми, темно-серого цвета. А сейчас умылись, зазеленели. Греются.

Чуден рассвет в лесу. Сам воздух густой, ласковый, ароматный. И птичьи песни звонки и веселы. И будто не было разнузданности стихии, смертельной схватки зверей. Мы видели только одну. А сколько их было укрыто под густой листвой зеленого моря?!

Мы покинули наше «гнездо». Спустились к берегу Каспия. Искалеченные рыбины на песке, разорванные в клочья тюлени... Следы барса...

И здесь бушевала стихия. и здесь наступило примирение, союз солнца, моря и неба.

Перевод с лезгинского Б. Рябикина

«В АФРИКЕ» **Лена Григорьева**
Москва

Наши обложки:

Большие и малые, дикие и домашние кошки. О них вы прочитали в журнале. Сегодня больше повезло диким. Но в следующем номере вы услышите много историй о наших мурках и васьках, барсиках и мушках. И о трех котятах, которых видите вы на 1-й и 4-й страницах обложки.

Главный редактор А. А. Виноградов

Редколлегия: Васильева Л. В., Дунин М. С., Корчагина В. А. Клумов С. К., Овчаров К. Е., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков

Художественный редактор **А. А. Тюрин**
Технический редактор **З. А. Сутченко**

Сдано в набор 3/VIII 1970 г. Подп. к печ. 9/IX 1970 г. А10118. Формат 70×100$^1/_{16}$. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9 Тираж 850 000 экз. Заказ 1565. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

«ОЛЕНЬ» **Саша Машенцева**
г. Петропавловск-Камчатский